

Владимир Шапиро

ПО СТОПАМ МАРГИНАЛА

роман

Владимир Шапиро

По стопам маргинала. Роман

«Издательские решения»

Шапиро В.

По стопам маргинала. Роман / В. Шапиро — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504171-5

В книге «По стопам маргиналов» автор показывает, как происходит процесс маргинализации членов еврейской семьи на фоне социальных перемен в России и в Израиле в конце XX-го и начале XXI-го вв. Основную идею книги выражает главный герой романа, Иосиф, после долгих метаний ставший на путь служения людям. Это возможно, в какой бы стране и в какой бы роли ты ни находился, — такую мысль Иосиф пытается внушить при встрече Робу из клана Цимеров, представители которого разъехались по всему миру.

ISBN 978-5-00-504171-5

© Шапиро В.
© Издательские решения

Содержание

Владимир Шапиро	6
ПО СТОПАМ МАРГИНАЛА	7
Роман	7
Иерусалим	8
Владимир Шапиро	8
ПО СТОПАМ МАРГИНАЛА	9
Роман	9
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	10
ВСТУПЛЕНИЕ	11
ГЛАВА ПЕРВАЯ	12
ГЛАВА ВТОРАЯ	19
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	29
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	36
ГЛАВА ПЯТАЯ	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

По стопам маргинала

Роман

Владимир Шапиро

Иллюстратор Э. Гольдфарб

© Владимир Шапиро, 2019

© Э. Гольдфарб, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-4171-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владимир Шапиро

ПО СТОПАМ МАРГИНАЛА

Роман

**Иерусалим
2019**

Владимир Шапиро

ПО СТОПАМ МАРГИНАЛА

Роман

© *Все права принадлежат автору*

Текст публикуется в авторской редакции

Иллюстрация: Э. Гольдфарб

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*О, бриз с Палестины,
Достань до России,
Внуши им причины
Моей Кручины.*

*Отбросим печали
Нецужный задел,
Пусть новые дали
Мне скрасят удел.*

*И солнце ворвется
В решетчатый кров,
И вспыхнут скрижали
Затверженных слов,
Имперских оков.*

*Да, жив, как и прежде,
Того же желаю.
Их думы, надежды
Вполне разделяю.*

*В веселом застолье
Пусть вспыхнут на час
Те яркие зори,
Сдружившие нас.*

*Поверьте, доньне
Нет доли счастливей
В свободной общине.*

ВСТУПЛЕНИЕ

Приличный на вид мужчина лет двадцати пяти как-то непонятно вел себя, прохаживаясь по скверу вокруг Патриаршего пруда в центре столицы. В тот жаркий летний день он не прятался в тени деревьев для глубокого раздумья, в котором находился, а стоял под лучами солнца, что конечно, привлекло внимание двух старушек, удобно устроившихся на скамейке под тенью большой липы. Обсуждать кого-то еще не было, потому что в такой день горожанин предпочитает провести время в более подходящем загородном месте, где и деревьев больше и вода рядом или что-нибудь еще, где можно спрятаться на траве от городского асфальта и шума.

– Нюш, – не выдержала та, которая была в сиреновом платочке, строго обратившись к соседке в красном платочке, – вона, какой важный, а аккурат уже час парится на солнышке. Малохольный какой-то. Ужись не надоело? Порядочные-то эдак давно на даче, в лесу. Эх, улета бы птичкой-синичкой на крылышках к себе в деревню. Хорошо там, нет вони окаянной, грохота каждодневно. Спасу нету от этих людей зачумленных.

– Ох, Маня, я сама бы туды, – согласилась с ней та, которую звали Нюша.

Она тоже неотрывно наблюдала за этим единственным прохожим и что-то вспоминала, сложив свое личико в морщины, – да силушки не те, почитай ушли в ежедневном труде на благо отчизны нашенской. Ничуть не жалею, милая. А то – вонь и грохот: обвыкла ко всяким людям. Нас так не прошибешь: повидала всякого и чадом пропахла. Скажу тебе, энтово очкарика вижу не впервой. Вона шастает гоголь-моголем и давненько. Пройдет мимо, не заметит и не поздоровается никогда, особливо вечерами. Весь в себе, старших не почитает. Сядет на скамеечку, уставится куда-то, вроде как нашел что-то, а что – не понять. Нормальным не назовешь и вроде на шпиона не похож. Ударить бы его пыльным мешком по голове, шоб очухался! Али отправить туды, куда Макар телят не гнал, може исправится? Ну, вона – торчит себе на солнышке, чудик худосочный, антиресно, о чем думает.

– Аха, мне тоже.

– Мало чаво, вони с характером: подавай им азотику.

Нюше нравилось вставлять в любой разговор слово, услышанное из передач популярной телевизионной программы «В мире животных». Они начались недавно и их сюжеты были, действительно, экзотичны для советского зрителя. Человеку, о котором рассуждали обе пожилые женщины, также было бы чем поделиться с ними, если бы захотел. Иосифа Кригера, так звали его, не вдохновляла ни тишина шумного города, ни деревья сквера у Патриарших, ни сама водная гладь с гордыми лебедями, важно проплывавшими по ней. Их верное супружество напомнило ему о его счастливом супружестве с Линой, которое не вернуть после развода. Впереди было одиночество, особенно ощутимое в выходные и праздничные дни: пытка для природы, склонной к навязчивым переживаниям. У него стыла кровь в жилах и отчаянно билось сердце в страстном желании вернуть потерянное. В такое время его гнало к водной глади пруда, где шуршала листва, звенел птичий гомон над головой, проплывали изящные лебеди и наводили сон, уводили от тяжелых мыслей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Он познакомился с Линой случайно, это был экспромт, который он пожелал показать дворовым приятелям после просмотра нового художественного фильма. Он первым заметил одинокую красивую девушку у станции метро и, хотя его записная книжка была наполнена именами приятельниц, он остановился, подмигнул товарищам и сказал: «Очень привлекательна. Пойду знакомиться». И не ожидая ответа, направился к очаровавшей его незнакомке. Хотел показать, на что он способен. Они понимающе переглянулись и удовлетворенно пошли дальше.

Подойдя к понравившейся ему девушке, Иосиф принял вид очень внимательного вежливого человека и предложил оказать услугу. В ответ милое личико отвернулось и досадливо промолчало. Молчание его устроило. Он набрался смелости и рассказал, как на этом самом месте зимой он поскользнулся и здорово ушибся при падении, задев при этом прохожего, который тоже упал и чуть не сбил проходящую женщину. На лице незнакомки мелькнула улыбка. А когда он вдруг вспомнил анекдот по такому случаю, она рассмеялась и доверчиво взглянула ему в глаза. Он понял: лед тронулся и начал один за другим придумывать всякого рода забавные случаи; в промежутках между шутками и остроумными догадками они познакомились. Без жеманства Лина назвала свое имя и вскользь упомянула причину своего плохого настроения: не пришел ее близкий друг, с которым собирались вместе отметить праздник. Иосиф осудил обманщика, что конечно, никогда бы не простил себе такое и смело предложил себя, как кавалера, который не способен на подобное. Лина согласилась провести с ним вечер в Сокольниках: покататься на каруселях, а потом перекусить в кафе, там же.

Они зашли в кинотеатр и заняли последний ряд кинозала. В полной темноте, по привычке с юности, он положил руку на спинку кресла соседки. Она не возразила, поэтому рука оказалась на ее плечах. Поскольку и на этот раз не последовало возражений, то в момент сцены, где оба киногероя, убежав от преследования врагов, отдаются своим чувствам, Иосиф закрыл экран от глаз Лины и прижался губами к ней. Ее горячие губы ответили так, что они приникли друг другу в долгом сладком поцелуе, который заставил часто биться сердца. В страстном порыве он поднял и посадил ее размягченное тело к себе на колени и в таком состоянии они забыли о киногероях и событиях, происходивших на экране. Когда зажегся свет в зале, Иосиф и Лина осмотрелись в ярком свете, который лишил их наслаждения, и неохотно пошли вслед за другими к выходу.

Наступили вечерние сумерки, но оба не торопились расстаться. Пешком они прошли полгорода до дома, где жила Лина, и оказались у подоконника в ее подъезде. Проговорив до глубокой ночи, они договорились вместе встретить первомайский праздник. На следующий день их радостные голоса звучали в компании друзей Лины, студентов Института стали и сплавов. Их приняли как старых знакомых, потому что они вели себя непринужденно и были всегда рядом: в песнях и танцах, в разговорах и спорах, которые так любит учащаяся молодежь. В тот вечер Иосифу удавалось все, он подружился с ребятами и девушками, хотя впервые встретился с ними и был студентом гуманитарного ВУЗа – Института иностранных языков. Какое это имело значение, если житейские проблемы у них были общими. Глубокой ночью они нашли себе удобный приют в кровати, которую уступил им хозяин квартиры, Андрей. На ней Лина отдалась Иосифу без единого звука, что окончательно скрепило их отношения.

Впоследствии они не были только физическими. У них оказалось общее увлечение – туризм, благодаря которому появилась прочная привязанность. Тем же летом они отправились в многодневный поход по Северной Осетии с приятелями из первомайской компании. Их дружеская спайка помогала при восхождении на ледники, при переходах через бурные холодные горные потоки в темных лесистых ущельях рек и речушек. Много было романтики на перевалах у костра, когда после вкусно пахнувшей, слегка подгоревшей еды из консервов и мест-

ных овощей, следовал ароматный свежий чай. Конечно, звучали разные забавные рассказы, пелись песни под бардовскую гитару. И неизменные танцы перед сном. Лежа в спальнях мешках рядом, они смотрели на удивительно черное небо в ярких изумрудах звезд и мечтали. Потом кто-то из них от усталости проваливался в крепкий сон и завлекал туда же другого, счастливого от ожиданий. Даже в грезах ему не верилось, что это все для него.

По возвращении в Москву они продолжали встречаться, а выходные дни проводили вместе на природе. Когда на следующий день она звонила ему и спрашивала, как доехал, он шутил: «по шпалам». Со временем родители стали напоминать о том, что пора оформить их отношения. На это у обоих был один ответ: «Нам и так хорошо». Однако случилось то, что должно было рано или поздно случиться: после второго аборта здоровье Лины резко ухудшилось и, по рекомендации врача, ей был прописан постельный режим. В результате их встречи стали редкими и только у ее кровати в присутствии кого-то из родственников. Иосиф затосковал по любимой, не находил себе места по вечерам и, наконец, решился: придя с букетом красных роз и подарком – обручальным золотым кольцом, он попросил у ее мамы, Софьи Ароновны, руки дочери. Предложение было принято со вздохом облегчения. В знак согласия все обнялись и расцеловались.

Свадьбу сыграли в ресторане в присутствии родственников и друзей. Прямо оттуда молодые отправились на туристическую базу в районе озера Селигер. Весело проведя там время, они вернулись через неделю в отведенную для них комнату в четырехкомнатной квартире. Там проживали кроме них бабушка, Ревекка Моисеевна, ее дочь, Софья Ароновна с гражданским мужем, Анатолием Викторовичем, моложе ее на двенадцать лет. Его просто звали Толя за покладистый характер, а когда хотели подколоть, называли бойфрендом. Так однажды прокричала ему жена за систематические опоздания на обед: «Мне нужен бойфренд, а не холодный расчет в пижаме». В чуланчике при кухне он, главный экономист в проектно-институте, делал «левые» расчеты по заказам другого института.

Женщина без комплексов с жестким вспыльчивым характером, Софья Ароновна умела сказать правду в глаза, но в воспитании дочери придерживалась правила уважать право на личную жизнь. В связи с этим доверяла ей и не вмешивалась, даже когда ее женская интуиция подсказывала: «Здесь что-то совсем не то». Иосиф скоро отметил для себя разницу в характерах его тещи и ее матери, скрытной, очень бдительной пожилой женщины. Ревекка Моисеевна придерживалась строгих норм морали, в связи с чем нередко возникали ссоры по разным пустякам, особенно, между ней и внучкой. Бабушка очень сердилась, когда Лина заходила в чуланчик к Толе с каким-то вопросом, житейским или по учебе, например по высшей математике. Если чуть задерживалась там, она громко стучала в дверь, звала помочь в чем-то, а не «болтать» и терять время на разговоры.

Приход зятя не изменил заведенный порядок вещей в доме; за исключением комнаты молодых, куда удалось уместить двухместный диван вместо кушетки, но при условии, чтобы оставался шкафчик бабушки и два стула. Вся эта проза мало интересовала нового члена семьи, главное, что в квартире установилась непринужденная обстановка. За обеденным столом в выходные дни и в будничные вечера происходили беседы на разные темы, включая студенческие. Иосиф чувствовал себя вполне комфортно в них. В том же салоне он и Лина готовили свои домашние задания за уже убраным столом, другие члены семьи обсуждали телевизионные передачи. Конечно, были общие семейные прогулки с родителями, посещали кинотеатр, кафе. В общем, в откровенных разговорах раскрывались маленькие и большие секреты родственников.

Однажды прозвучал веселый каламбур Софы, так теща просила ее называть для простоты общения, о двух Иосифах в их жизни. До него у них был другой, более старший Иосиф, с которым мама Лины работала в одном институте. Она была там бухгалтером, Иосиф-старший, для краткости, преподавал физику на кафедре. Вначале он подружился с мамой, стал

приходить к ней в гости с женой и познакомился с ее дочерью. После развода с женой такие посещения превратились в обычное явление. Бабушка готовила его любимые оладьи из тертого картофеля – «драники», а Лина поздним вечером провожала «друга семьи» до автобусной остановки «дохнуть» свежего воздуха после душного салона. Таким образом, она тоже подружилась с ним, старше ее на семнадцать лет. Особенно после поступления в институт, в котором он заведовал кафедрой. Лина была откровенной, как мать, и не скрывала от мужа, что иногда встречалась с Иосифом-старшим, потому что простила. У него была уважительная причина не придти на свидание с ней: заболела его дочь, которую пришлось срочно везти в больницу.

Наш герой в тот раз отшутился, но затаил тревожную ревность в душе. В свои двадцать три года, воспитанный на строгой морали мамы и понятий двора о женском целомудрии, он наивно не мог представить себе, как близкий друг мамы мог быть в такой же близости с дочерью. Поэтому требовал от жены более подробных объяснений о ее связи с тем Иосифом-старшим. Ничего не скрывая, она рассказала возбуждающие детали ее интимных отношений с другим Иосифом. Он слушал и глотал слезы ненависти; не однажды злоба, кипевшая в сердце, взрывалась негодованием. Он терял терпение и был готов убить ее за измену. Но неспособный на подобный шаг в силу характера, он прекращал пытку себя и ее, решительно заявлял, что уходит навсегда, что жить с обманом – не для него. Немедленно подаст на развод. В тот же миг на лице Лины появлялось испуганное выражение, она что-то отчаянно произносила полупшепотом, а потом вдруг, поймав его движение, прижималась всем телом и сладострастно произносила: «Нет, ты, только ты мой самый любимый, самый необыкновенный. Без тебя нет жизни. Прости, прошу, прости; навсегда только твоя. Люблю». От ее слов его охватывала сладкая истома, он сдавался и оба сливались в страстном желании секса. Потом, с угрызениями совести, приходила на ум неубедительная отговорка: «У каждого – свой скелет в шкафу». Легко отходчивый человек, он прощал и забывал ради их счастья.

Однако конец бывает всему. Об этом напомнила ему Света, давняя подруга Лины и свидетель при их бракосочетании во Дворце на улице Грибоедова. Они встретились в коридоре редакции, где Иосиф подрабатывал внештатным корреспондентом. Она остановила его в коридоре для разговора без свидетелей и сказала:

– Ты знаешь, твоя жена изменила тебе с твоим дружкой Семеном, да еще где? На вашей супружеской постели. Эх ты, дублер!

– Как это? Откуда ты знаешь? – переспросил заплетающимся от неожиданности голосом и подумал: он же коллега по работе внештатником, а еще раньше сдавали вступительные экзамены в институт, «обмывали» первую сессию, а потом первые гонорары в редакции.

– Бабушка Рива, – последовал быстрый ответ, – мы старые друзья. Меня и внучку она забирала из школы. Эх, рога носец, даже ни разу не спросил Линку, о чем она долго беседует с твоим приятелем по телефону. Бабушка все слышала, она не станет клеветать на внучку. А этот Семен – прохвост и мерзавец.

– А, вот оно что, – мелькнула догадка в его голове. Он вспомнил незначительный, по его мнению, эпизод. Они с Линой решили купить в комнату небольшой письменный стол для занятий, чтобы не занимать обеденный стол в салоне своими книгами. Он сказал об их решении за обедом в воскресенье, однако ответом на него было молчание. Иосиф принял его за знак согласия и вскоре купил и установил стол на место бабушкиного шкафчика, его же выставил на свободное место в прихожей. На другой день заметил, бабушка перестала с ним здороваться и старалась не появляться в салоне, когда он находился там. В суете дел забывал об этой «странности», не обращал внимания и на то, что в семье стали муссироваться слова Софы о молодых людях с чрезмерными амбициями. К ним он был глух. И вот сейчас все прояснилось.

– Стоп! – вразумительно ответил Свете, глядя ей в глаза – что могла видеть бабушка Рива, полуслепая и плохо слышащая женщина, занятая проблемами своего здоровья.

– Напрасно так думаешь, ты бы видел, с какой печалью она высказывала мне пикантные вещи, о которых просто неудобно говорить женщине. Сам должен разобраться со своим другом. Меня это не касается, вообще. Но скажу тебе такое, что может заставить Семена сказать правду. Во-первых, спроси его, чем занимался у вас после телефонного разговора с Линой, в два часа дня неделю тому назад. По ее приглашению он приехал посмотреть ваши готовые свадебные фотки. «Они так мило беседовали», – сказала бабушка Рива. И второе, напусти ему, как он, абсолютно голый, вышел из туалета на виду бабушки Ривы. Даже не постеснялся, бессовестный. Все, нечего больше добавить. Сам убедишься, если не дебил.

– Ну, спасибо за аванс, – вспыхнул от обиды Иосиф, – уж точно разберусь во всем. Обещаю.

– Извини, конечно, за прямоту, но иначе не могу. Для меня быть свидетелем на свадьбе – кое-что значит, не в пример твоему свидетелю, развратному Семену. Вообще, даже противно вспоминать, как он умильно смотрел на женщин, эти улыбочки. Но за Линку просто очень обидно: никак не ожидала от нее такого. Мы больше не подруги; вот только не знаю, как буду теперь смотреть в глаза ее мамы, не представляю. Ладно, будь. Прощай.

Когда Семен вернулся из командировки по заданию редакции, они встретились у кассы во время получения внештатными репортерами гонораров. Иосиф не позвал, выжидал когда тот заметит его и обнаружит на лице виноватый взгляд или неуверенное движение человека с угрызениями совести. Он верил еще в нравственность отставного офицера, его словам о «чести офицера», которые Семен любил вставлять при случае. По мнению Иосифа, человек с таким богатым багажом красивых слов не мог не покраснеть, увидев его.

Однако обидчик его не замечал или делал вид, что не видит, стоял намного впереди в очереди и привычно развлекал мрачноватую пишущую братию новостями и всякими подробностями, которыми живет репортер. Он был из тех людей, которые неспособны молчать в окружении себе подобных, заводил разговоры и с теми, с кем не был знаком. Через короткое время был уже на «ты». Общительность позволяла ему быстро устанавливать связи в редакциях, его бойкая речь с нецензурной лексикой, к случаю, отвлекала от однообразного труда и текучки дел. В общении бывший офицер не забывал показать себя преданным своему долгу гражданином, ответственно относящимся к порученному делу, пусть и на внештатной службе. Без осечки действовали его фразы о роли СМИ в воспитании советского человека в духе патриотизма и любви к родине. В присутствии женщин обязательно звучали эпитеты о новой роли женщины в обществе полной эмансипации.

Выпускник энского военно-артиллерийского училища, Семен Щербина не очень преуспел в освоении военной науки, зато был успешен с женщинами. Может быть, поэтому командование направило новоиспеченного офицера на охрану дальних рубежей родины, на Курильские острова. Так это или не так, но через несколько месяцев выяснилось, что здоровью вновь прибывшего младшего лейтенанта очень вредят местные условия и климат. Врачи во Владивостоке, куда прибыл Семен на лечение, в итоге приняли решение комиссовать его из-за проблем с желудком. Будучи отчислен «под чистую» из рядов армии, он, не заезжая к матери, в родную Самару, приехал в Москву и быстро женился на Вере, ткачихе с фабрики «Московские зори». У него с ней была переписка со времени учебы в училище. Но их совместная жизнь оказалась недолговечной, они развелись. Семен оставил «простоватую» Веру после того, как в его паспорте появился штамп о московской прописке.

Холостяком бывший офицер ходил менее недели, его подругой, потом женой стала корректорша Надя из газеты «Московская правда». С ней он развелся из-за прозаически громкого храпа во сне. Следующим предметом его страсти стала Роза, кассирша в универмаге и хозяйка отдельной двухкомнатной квартиры. Их брак был оформлен лишь спустя полгода, на основании известного Постановления, предусматривавшего такой срок для тех, кто был уже

не однажды в браке. Это не одобрялось, хотя и не преследовалось, как многоженство, например.

Где бы ни появлялся Семен: на работе, в Университете, в гостях или на свадьбе, он был всегда в своем офицерском кителе. Он не менял его, даже когда жена купила ему вполне приличный костюм. Более того, злосчастный костюм стал причиной скандала. Друзья знали, что самый ценный подарок для него – конверт с деньгами. Их никогда не хватало; он обычно брал займы и отдавал частями. Всегда в компаниях, он тратил деньги на выпивку в редакционных «закоулках» с друзьями по учебе, просто с незнакомыми выпивоками в пельменной, не жалел денег и на полюбившуюся ему женщину.

Что удивительно, спиртное никак не отражалось на его работоспособности, или на занятиях в Университете, или в библиотеке, где он готовил домашние задания для заочника, а также нередко дорабатывал репортерские интервью и статьи. Если, конечно, не отвлекла очень «впечатлительная» незнакомка за соседним столиком. Офицер, недавно из «горячей точки», находил время познакомиться с ней где-то в уголке храма науки и провести приятно время. Однако не забывал позвонить жене и сказать о ночном дежурстве в редакции в связи с поступившим «горячим» материалом.

Когда Семен заметил Иосифа в очереди, то крикнул с наигранной веселостью:

– Привет, старина! Давно не виделись, как поживаешь?

– Твоими молитвами, – неопределенно отозвался тот.

– Слушай, – энергично заговорил, приблизившись совсем близко, – у меня уйма материала после Омска. Надо срочно обработать и выдать: торопит редактор. Завтрашний выпуск. Защишаюсь. Поможешь? Гонорар пополам, это обещаю, идет?

– Ты вот, что, – сдержанно процедил Иосиф, – для начала обмоем этот, а потом потолкуем о том...

– Согласен, – нетерпеливо перебил его Семен, – и поспешно вернулся к кассе.

За время их студенческого знакомства Иосиф увлекся внештатной работой репортера в редакциях Госкомитета радио и телевидения. На свои гонорары, купив в складчину вино, они обычно отмечали это событие в кафе, если там не было дружинников. В то время строго соблюдался запрет на распитие спиртного в общественных местах, за этим строго следили и дружинники с московских предприятий, их с красными повязками посылали на дежурство для «соблюдения порядка» на улицах, в заведениях Общепита. Встреча коллег-«внештатников» за вином стала традиционной еще потому, что в эти часы можно было обменяться студенческими и житейскими новостями, анекдотами и прочим, а для Иосифа такое общение служило источником познания специфики репортерской работы. Семен ее оперативно осваивал в разговорах с редакторами и на факультете журналистики МГУ. «У меня врожденное чутье языка,» – любил он повторять. Иосиф учился у него излагать материал в ясной и краткой форме.

Таким образом, получив свои гонорары, коллеги привычно направились обмыть его в ближайшем кафе. Каждый ощущал неизбежность крупного разговора, но интуитивно старался не выдать себя неосторожным словом или взглядом. Однако у входа в кафе Иосиф неожиданно заволновался, резко остановился и мрачно произнес:

– Стой, там дружинники. Увидел двоих, узнал по прошлому разу. Давай не рисковать. Вот что: идем в тот подъезд дома напротив. Как-то приметил там подходящий подвал со светом. Идем.

– Почапали, – нетерпеливо ответил Семен: ему не терпелось «промочить» горло, – если что, раз-два и разбежимся. Работа ждет к тому же.

Они молча спустились в подвал дома. В неярком свете электрической лампы Иосиф выхватил из-за пазухи бутылку вина, рывком другой руки повернул Семена к себе лицом и, приставив горлышко к его горлу, зло крикнул в глаза обидчику:

– Говори, гад, как дошел, трахал жену. Не мотай башкой, знаешь когда. Бабуля Рива не спит с того дня, как увидела твою грязную жопу у нашего туалета. Ублюдок!

– Ох... Не дави, хоть слово...

– Говори, только быстро и правду, – прошипел Иосиф, – не то, клянусь, ею – меж глаз. Убью!

– Прости, кобеля сраного, было, виноват. Только Лина сама позвонила и позвала смотреть ваши свадебные фото. Еще раньше просил их показать. Думал, попросить парочку себе. И вот, кстати, в командировке буду посматривать на наши рожи от скуки.

– Не тяни кота за... Тогда причем секс!

– Клянусь честью офицера: и в мыслях не было. Захожу к вам, встречает в прозрачном халатике, на шпильках. Извинилась за вид – только закончила уборку. Улет, думаю, и за ней в вашу комнату. Уютно, играет музыка. Закрылись, не будить бабулю. И к фоткам. Прямо на вашей постели. Ни одного стула у вас. Смотрим, но как глянули на одну, так грохнули от смеха. Ваш бой-френд просто зверски уставился на Светку, а она умильно улыбается так, будто ее гладят. Не выдержали, покатались прямо на кровать. Куда еще! Тут ее халатик растянулся, раскрылся – вся красота мне в глаза. Не выдержал, припал к ней. Не оттолкнула... тогда началось. Потом в туалет, по нужде, а выхожу – передо мной бабуля. Я – нагишом. Скорее в комнату. Оделся.

– Ну, нос разбил. Дай утрусь...

– Обойдешься. Что бабуля?

– Ничего, даже не попрощался. Скажу честно, как мужик мужику: Лина не будет верна тебе. Прости, слаба на передок, не перебесилась еще. Тогда же решил: больше не взгляну в ее сторону. Верить?

– Нет, не верю. Забудь о нашей дружбе! – Коротким взмахом руки Иосиф разбил бутылку вина рядом с головой Семена. Подвал заполнился кисловатым запахом.

– Не надо... нет, – испуганно прохрипел Семен, закрыв лицо рукой.

На несвежий воротничок кителя упало красноватое пятно и напомнило Иосифу желтое пятно на свадебном платье Розы, невесты Семена. На том странном торжестве по случаю их бракосочетания в ее квартире, не было криков «горько» и даже общего стола. Все разбрелись кучками по своим углам, пили и разговаривали между собой, как в обычной пивной случайные люди. Иосиф наблюдал эту картину как зритель со стороны. Жених пропал куда-то надолго, потом появлялся один или с кем-то, а невеста, напившись от скуки, упала на постель. Она о чем-то просила, звала Семена и только ленивый не поправлял ворот запачканного платья, от которого она стремилась освободиться. Иосиф ушел, не простившись, раньше времени, не в силах смотреть сцены на вкус журналистской братии. Впоследствии он постарался забыть о ней, простил Семена из мужской «солидарности».

Сейчас, однако, те сцены всплыли в его глазах благодаря красноватому пятну на кителе и прошлись раскаленным утюгом по совести. Он бросил оставшееся в руке горлышко бутылки в угол подвала и молча вышел из духоты на свежий воздух улицы. Вдохнул его полной грудью и подумал: «Ладно, повинную голову меч не сечет». В таком настроении он пришел к Лине и объяснился. Она равнодушно на этот раз выслушала, не спорила, не просила. Они спокойно расстались до встречи в Суде по разводам.

Иосиф переехал жить в однокомнатную квартиру мамы, в которой жил до женитьбы и где единственное, что требовалось от него – не влезать в «кухонные дела». На крохотной кухне, одновременно столовой, все было продумано до мелочей. Кухонный шкаф с выдвижной доской служил не только для хранения посуды и продуктов, но и представлял собой обеденный стол, на котором умещалось одно блюдо на одного человека. Обедали и ели соответственно порознь. Главным за этим занятием было не отвлекаться и не задумываться «по пустякам», чтобы неловким движением не сдвинуть доску и нарушить тем самым баланс ее ножки. В этом

случае площадку с едой немедленно наклоняло книзу и все или часть, что было на ней, имело шанс оказаться на полу. Мама не ждала: сразу входила с тряпкой и щеткой, решительно выпроваживала сына в салон, одновременно их спальню со словами: «ротозей, опять думает, вместо того чтобы есть. Сколько надо еще говорить? Иди!» И начинала уборку. Он садился за свой письменный стол, не очень расстроенный тем, что не потребовалось его помощи, и вновь, уже без оглядки на стол, начинал мечтать.

В свои неполные двадцать пять, конечно, о счастье с любимой. Той, которая будет преданной, верной подругой и женой, матерью его детей. В ожидании тех дней бурлил в нем сладко-терпкий коктейль еврейской крови, сродни африканской. Но был при этом очень разборчивым кавалером в выборе кандидатуры: едва находил в приятельнице самый малый недостаток, немедленно разочаровывался и расставался. Вскоре находил новую страсть, очаровывал ее своими особыми приемами воздействия голосом, движениями рук, тела. Так повторялось до женитьбы на Лине. И вот после развода с ней, все изменилось: ушла куда-то легкость общения. Была и другая причина такой перемены: в этом возрасте его начала брать досада вследствие неудачных попыток овладеть рабочими специальностями. Его трудовая книжка, размером с приличную брошюру, запестрела записями из разных заводов и предприятий, свидетельства несостоявшегося монтажника, электрика, телевизионного антенщика и других. Когда на лице очередного начальника отдела кадров появлялось кислое выражение при виде его книжки, Иосиф вспоминал слова старшины Иванова: «разгильдяем у нас не место. Каждый должен быть умелым в ратном и трудовом деле». Тогда впервые пришел комплекс неполноценности.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Итак, в тот жаркий летний день Иосиф направлялся от Патриарших, от наблюдавших за ним аккуратных старушек на скамейке, к Никитским, в булочную, за хлебом по заказу мамы. В то время это был единственный в районе дежурный магазин, где можно было купить в воскресенье хлеб и сопутствующие изделия. Помрачнел еще больше, когда вошел в нее. Там толпился, шумел народ в длинной очереди. В этой суете он с трудом нашел последнего и возмущенно разговорился с ним. Незнакомец был с юмором, он поднял его настроение. Когда же Иосиф выходил из магазина, пережевывая свежую корочку черного хлеба, оно стало даже приподнятым. Но выйдя на улицу, ее твердая кожа застряла в горле из-за того, что внезапно его затрясло, будто от разряда электрического тока неопытного электромонтера. Судорога перехватила дыхание, он закашлялся и стал искать источник, откуда последовал разряд. Он ничего не обнаружил подозрительного и хотел идти дальше, если бы не случайный взгляд, кинутый в сторону заброшенной давно церкви, в которой когда-то венчался Пушкин. Из ее тяжелых чугунных ворот легкой бабочкой выпорхнула девушка и юной походкой стала пересекать улицу в его сторону. Проходя мимо, она искоса посмотрела на него, слегка расширенный носик нетерпеливо дернулся кверху, в то время как оборки сарафана Тургеневских времен обдали его воздухом и последовали дальше. Глядя в след «курсистке», это слово сразу пришло ему в голову, он отметил длинную черную косу, в такт движениям касавшуюся почти до аппетитных, полненьких икр ножек в импортных дорогих туфельках.

Иосиф стоял, как вкопанный, очарованный видением и жадно смотрел ей вслед. «Вот это красота!» – думалось ему. И вдруг воем волка из него вырвалось: «Судьба!» Он еще раз смущенно взглянул на разбитый купол церкви, из которого торчали решетки, надеясь увидеть что-то еще, но сцену дополняло только тупое острие бывшей биржей, утюгом делившей улицу на две половины. В одной из них исчезла прекрасная незнакомка. Он бросился бежать за ней и скоро догнал, но шел нерешительно сзади, не решаясь подойти и заговорить. Он ругал себя последними словами, как робкого мальчишку, напоминая, что знакомился так не однажды. Все напрасно: побороть себя не мог. Наконец быстрый поворот юной девушки во двор между двумя деревянными трехэтажными строениями, в глубине которого высился четырехэтажный кирпичный особняк с палисадником перед его фасадом, заставил его действовать. Забыв о своих монологах, он преградил дорогу незнакомке, прежде чем появятся «защитники» своих девчонок, знал об этом из собственного опыта. И негромко, чтобы не услышал «чужака» кто-то во дворе, произнес: «Э, ... девушка, Вы не склонны продолжить прогулку еще... со мной...» Он ждал что угодно в ответ, только не быстрый согласный кивок головки.

Она повернулась и пошла в противоположную сторону, к Патриаршим. Счастливый, как никогда, Иосиф шел рядом, очарованный, и выходил из себя, пытаясь развлечь предмет своего обожания. Как пианист на инструменте, он завершал аккорды смешных историй и анекдотов экстравагантными небылицами, от которых самому было смешно. Незнакомка слушала и тоже смеялась. Без жеманства назвала свое имя – Лора и скоро в дружеском общении перешла с ним на «ты». Не без иронии рассказала о маме, Грете, отце, Давиде, о братьях Фреде и Робе и добром дяде Самуиле. Подробно описала ее отношения со старшей сестрой, Викой; старше ее на два года, любившую читать ей нравоучения по всякому поводу, будто учительница в школе.

Иосиф охотно соглашался с ней, лишь в одном месте предпочел отмолчаться. Лора совершенно искренне заявила, что учение вовсе необязательно, потому что «главное в жизни – умение быть в нужном месте и показать себя во всем блеске и красоте». Такие слова он слышал впервые; в среде его знакомых и друзей бытовало совсем другое мнение. Они видели смысл жизни в учебе, труде и дальнейшей карьере. Видимо, интуитивно поняв его, она с достоинством дамы из высшего общества, небрежно добавила: «Женщина – не мужчина. Совсем дру-

гие интересы». «Время покажет, кто прав, – произнес про себя и успокоился привычному компромиссу, – выйдешь замуж, появятся дети – тогда посмотрим, какими знаниями с тобой придется делиться».

– Поздно уже, мне пора домой, – вдруг прозвучали ее решительные слова и вернули к реальности. Он огляделся, убедился, что уже вечерние сумерки, приход которых не заметил за разговорами и досадливо извинился за забывчивость. Затем, покорно обратился с просьбой о новом свидании. И на этот раз она была быстра на ответ: сама назвала место и время встречи у памятника Маяковскому на одноименной площади, но бескомпромиссно при этом произнесла: «Не провожать, дальше пойду одна». Окрыленный успехом, Иосиф был уверен, что придет, не обманет. Поэтому не стал, как обычно, в таких случаях, настаивать, чтобы она назвала номер домашнего телефона.

Дома ему пришлось объясняться перед мамой за поздний приход. Но его радостные слова о знакомстве с замечательной девушкой Лорой, она встретила настороженно, напомнила о ее любимой пословице: «Яблоко от яблони далеко не падает». В связи с этим посоветовала хорошо познакомиться с ее семьей. Но он был самоуверен и упрям: у него было собственное мнение наготове, суть которого состояла в том, что любые недостатки любимой можно исправить, если приложить для этого необходимые усилия.

На следующий день без четверти семь вечера он нетерпеливо прохаживался с букетом роз у памятника Маяковскому. В тот радостный момент ему казалось, что даже мраморный поэт подмигивал и ободрял его широко расставленными глазами. Так прошел час, потом пошел второй, а Лора так и не появилась. Иосиф, наконец, понял, что обманут и, бросив цветы к подножию постамента, гневно взглянул в глаза холодного истукана и зло сказал:

– Обманут, как ты, бунтарь-одиночка! Остался в дураках и поделом за глупость.

В кафе «У Патриарших» к нему подсел «старожил» заведения, Жорик, которому он излил свою душу. Тот понимающе слушал, соглашался и подливал вино. В ту ночь никакие мысли не шли ему в тяжелую голову, зато голову Лоры одолевали воспоминания. Она грустила о Марио, ее возлюбленном кубинце, внезапно пропавшем без вести слушателе Военной Академии в Москве. Даже отец и дядя, пытавшиеся выяснить, куда он мог исчезнуть после стольких лет учебы в этом заведении и дружбы с ней и кланом Цимеров, были безуспешны в попытках выяснить хотя бы что-то о нем.

Она познакомилась с Марио на праздничном вечере в Клубе Академии. По поводу таких событий приглашались местные девушки для поднятия настроения будущих борцов за свободу и независимость дружественных и не очень стран Африки, Южной Америки и Азии. Вначале эти мероприятия посещала сестра Вика с подругой Диной. Однажды сестра, увлеченная сотрудником МИДа, попросила ее заменить на этом вечере. Ей тогда еще не исполнилось шестнадцати.

Лора впервые попала в сверкающий цветными люстрами огромный зал с начищенным до блеска паркетным полом и портретами видных военачальников по стенам. Конечно, была потрясена всем этим шиком. На нее смотрели загорелые статные красавцы в эффектной униформе их стран, совсем не похожую на советскую, примелькавшуюся на улицах и экране телевизора. Но она не растерялась, поняла, что попала в нужное место и в самое удачное время. Как учила мама, решила использовать такой момент «на все сто процентов». Лора не пошла в буфет, куда поспешила Дина с другими приглашенными за дефицитными бутербродами с икрой и сервелатом; нет, она стала ждать приглашения кавалеров, томившихся в зале, в котором громко игралась танцевальная музыка. Та музыка, под которую когда-то легко танцевалось ей на льду. Шестилетней девочкой Лора приступила к занятиям в кружке стадиона Юных пионеров. Вначале возил ее отец, а повзрослев, ездила самостоятельно на тренировки. Но мечту обоих, отца и Лоры, пришлось забыть из-за неудачного падения: в результате его развился посттравматический синдром, боязнь и прочие неприятные вещи.

С первым же партнером Лора показала настоящее искусство исполнения аргентинского танго и сразу стала объектом всеобщего внимания. Оно немедленно вернуло ей прежнюю уверенность и желание покорять публику. Нашу героиню приглашали наперебой, ее одухотворенное личико мелькало в головокружительных поворотах, невероятные па поражали профессиональностью, а точеная фигурка в открытом сарафане под старину так игриво изгибалась, соревнуясь с длинной косой, что вызывала восторг. Сердца сынов Юга горели желанием прикоснуться к «барышне» в модных туфельках на полненьких ножках, как они прозвали ее между собой. Короче, танцевальный марафон Лоры закончился лишь тогда, когда по мегафону объявили антракт. В то время антракт часто использовался в таких учреждениях для проверки знаний с помощью Викторин. В данном случае иностранным слушателям Академии была дана возможность показать свои успехи в знании русского языка и литературы. За правильный ответ полагался недорогой приз. Пока «знатоки» гадали и спорили, ища правильный ответ, Лора с Диной направились в буфет.

Полная скучившая буфетчица в золотых сережках с камешком смерила их недобрым взглядом – «опять сумочницы» – и отвернулась, намереваясь выйти; но была остановлена появлением полдюжины кавалеров за ними, пожелавших угостить компанейрас симпатикос – по-русски, симпатичные девушки. Один из них первым встал перед Лорой и с приятным акцентом вежливо спросил, что они хотят заказать. Получив скромный ответ, тут же обратился к порозовевшей даме в золотых сережках с камешком с просьбой исполнить вдвое больший заказ, чем хотели обе подружки. Кавалера звали Марио Санчес из Кубы. Двадцатилетний курсант Военной академии был сыном таможенного чиновника из Гаваны, до приезда в СССР получил образование в американском колледже, а в Москве готовился к военной карьере офицера Кубинской армии. Благодаря состоятельным родителям, он относительно быстро частным порядком освоил разговорный русский язык еще дома, в Москве закрепил на практике, в основном, общаясь с женским полом. Так и на этот раз Марио уверенно развлекал девушек и был безукоризнен в манерах. Лора лисичкой наблюдала за ним, когда принимала «дары» с соседних столов от его товарищей. Она благодарила поклонников, при этом бросала вызывающие взгляды в сторону Марио и смаковала приятное вкусное угощение. Однако он был на высоте положения и приветливо улыбался.

С первыми аккордами музыки все нетерпеливо направились к танцевальному залу, но Марио первым пригласил Лору, и все последующие музыкальные номера были только с ним. К концу вечера они уже многое знали друг о друге и были так увлечены общими разговорами, что вместе вышли на улицу. А после того как он остановил такси, приехали к дому Лоры. Марио представился ее маме и произвел впечатление; также на других членов клана Цимеров во время последующих посещений и знакомства с ними. Что, в общем-то, было не сложно: наши советские граждане, проживавшие в период «Железного занавеса» шестидесятых-восьмидесятых годов, мало что знали о людях с той, его закрытой для них, стороны. Поэтому жадно слушали и искренне верили, тому, что говорила о них пропаганда и приехавшие оттуда «лучшие друзья» страны, как например, посланцы революционной Кубы.

Рассказы Марио о традициях его народа, о бронзовых красавицах на песчаных океанских пляжах, об экзотической природе острова «Свободы» волновали их и сеяли надежду когда-нибудь увидеть все это воочию самим. Он говорил с характерным пафосом участника революционной борьбы с режимом диктатора Батисты, свергнутого правителя Кубы под руководством лидера Фиделя Кастро. Имя их «бородача» он произносил с особым восторгом. Также с почтением упоминал имя тогдашнего генерального секретаря ЦК КПСС Н. Хрущева, «лучшего друга» кубинцев в противостоянии попыткам военных кругов США свергнуть прокоммунистический режим Кастро и его команды, соучастников путча. Они надеялись еще потому, что жили в ожидании того, что, наконец, рухнет железный занавес после развенчания культа

личности И. Сталина нашим Генсеком Хрущевым и вновь установятся нормальные отношения со всем миром, которые позволят посещать любую другую страну по своему выбору.

Наконец, верили «слову чести» офицера революционной армии, которое произносилось так безупречно, что вызывало ответное сердцебиение. Кто мог знать в то время, что пылкий курсант плохо разбирался, как в особенностях визового режима советского государства, согласно которому «выездными» был лишь ограниченный круг строго проверенных лиц; так и в тонкостях политической игры кубинского лидера. Под нажимом военной и экономической помощи со стороны СССР он превращал свою страну в сателлита коммунистического блока: стран Варшавского договора. Короче, в государство, формально независимое, но фактически подчиненное политической воле СССР; в страну, где были уничтожены остатки демократических свобод прежнего квазидемократического правительства Батисты.

В общем, в клане Цимеров дружно поверили обещаниям Марио и великодушно прощали Лоре пропуски и непосещения школы из-за свиданий с Марио, после которых она возвращалась под утро или вовсе в следующие дни. Не один месяц и не год продолжались посещения ночных ресторанов и дачи друзей. Конец всему положило ее досадное признание любимому другу Марио. В пылу страсти Лора не удержалась и сказала ему, что однажды работала натурщицей в студии известного советского художника. Старалась заработать немного денег для семьи, позировала моделью для обучения студентов, будущих художников. И ничего более, да и давно забыла, когда была в последний раз у художника. Однако эти ее наивные уверения, ушки на макушке Винни-Пуха из сказки А. Милна, выросли в рога племенного быка в глазах Марио. Он отпрянул от ее влажного горячего тела, как от укуса змеи и смачно выругался на испанском жаргоне. Такой резкий поворот в его настроении испугал ее и вызвал шок. Он увидел ее реакцию и принял негодующий вид, глубоко оскорбленного человека. Тут же потребовал немедленно ехать к художнику, чтобы разобраться с «негодяем». Лора безвольно согласилась.

В автобусе он крепко держал ее за руку, было видно, что горел желанием мести художнику. Она с ужасом представляла себе, какие печальные последствия ждут ее в скором времени из-за этого визита и отчаянно искала выход из создавшегося положения. Вдруг вспомнила об отце, который тоже любил держать дочку за руку на прогулке, при этом у нее непроизвольно вырвалось: «папа». Услышав слово, понятное на многих языках, Марио немедленно ослабил хватку, изменился в лице и устремил на нее непонимающий взгляд. Она сразу поняла: сказано во время и к месту. Поспешно попросила: сначала посоветуемся с отцом. Он покорно согласился ехать домой, но сейчас же к ее отцу Давиду. Это был шанс, потому что была уверена: родитель устроит все дела, как не однажды делал прежде. Как потом шепнул ей отец, она попала в десятку, когда сказала Марио поехать к нему, посоветоваться. На Кубе тоже без согласия отца не решаются никакие семейные вопросы.

Давид умел находить компромиссы в самых сложных ситуациях. В ходе мирной беседы за столом с чаем и десертом, кубинец совсем успокоился, по-другому стал смотреть на Лору; очень уважительно обращался к Давиду. Особенно после того как узнал, что хозяин дома участвовал в разработке Международного проекта «Дружба», планировавший перекачку нефти из Советского Поволжья в Европу. Ведущий архитектор НИИ разъяснил ему перспективу дальнейшей доставки нефти на Кубу и этим привел гостя в восторг. Они совсем дружески расстались в прихожей; Марио уверенно сказал, что Мадонна накажет подлого художника, как она наказала богатых развратных американцев на Кубе за домогательства красавиц-кубинок. А Давид отечески погладил лацкан модного пиджака Марио и расчувствованно произнес:

– Ты еще молод, ты не представляешь, какой опасности подвергал себя и свою карьеру, собираясь разобраться и посчитаться с кляузником. Этот художник засудил бы тебя, и никто не помог бы тебе. Так у нас. Поверь. Береги честь смолodu, а платье – снову, мы говорим. Забудь о нем. Приходи к нам, всегда будем рады. Желаю успехов!

Однако все пошло иначе: Марио стал редко встречаться с Лорой, а в гости вовсе перестал приходить. Да и свидания с ним были грустными, он быстро прощался с натянутой улыбкой, она уходила от него в подавленном состоянии. Мать забила тревогу. Давид, уже не веривший Марио, предложил выяснить его планы через Дину: у нее был давний друг, который учился с Марио. Однажды Дина привела к ним в гости Диего Тореса. После душевного разговора его убедили помочь им узнать об истинных намерениях сокурсника. Неделю спустя Диего позвонил и рассказал, что слышал, как Марио разговаривал по телефону с родителями на Центральном телеграфе. Он собственными ушами уловил фразу, в которой тот поклялся оставить Лору и найти себе новую подружку, «без истории». В порыве гнева Грета собиралась устроить скандал лжецу, но Давид предложил другое: поймать лжеца с поличным, а затем судить как растлителя несовершеннолетней. Тогда Лоре было семнадцать. И нашел повод для приглашения – их серебряная свадьба. С помощью Дины и того же Диего они сумели уговорить Марио прийти и отметить юбилей достойных родителей в их доме.

В разгар веселья позвали к телефону Давида. Немного поговорив, он суетливо сообщил, что должен срочно быть на совещании в Министерстве. Уехал с чувством крайнего огорчения. Вслед за ним поднялись Бенни и Пенни: они вспомнили, что «у них вечер встречи польских ветеранов войны в Театре Советской армии». Потом Грету попросили заменить на работе заболевшую швею, и гости стали расходиться. Артистично поднялся Фред, старший в семье, и поставленным голосом объявил, что идет на студенческую вечеринку в общежитии его Института и может взять с собой желающих. Все пошли с ним, кроме Лоры, у которой разболелась голова. Она перевязала голову полотенцем и ушла в спальню. Марио, под говорящими взглядами родственников и друзей, остался.

Он сидел в благодушном настроении, ни о чем-то думал, как вдруг из спальни раздался плачущий крик: «Ой, помогите, воды!» Марио растерянно вбежал со стаканом к Лоре и, взяв из ее протянутой руки сорванную повязку, смочил. Но едва приложил к ее лбу, как жадные руки обвились вокруг его шеи и притянули к себе, горячие губы коснулись его губ. Он ответил поцелуем и вновь ощутил желание. В страстном порыве они слились, забыв обо всем. Они не предполагали, что рядом в палисаднике ждут своего часа мать с дочерью Викой и соседка Варя со второго подъезда, заказчица швеи Греты.

Появившись на пороге незакрытой двери комнаты, они услышали глубокие вздохи из спальни и немедленно вошли туда. Грета изобразила возмущение и разразилась проклятиями в адрес чужеземцев, бесчестящих «наших» девушек. Вбежавшие на крик пожилые соседки, Нюша и Маша, в один голос заявили о своем отношении к нерусским и предложили позвать милицию, будут свидетелями. Вика собралась идти к телефону, но испуганный Марио остановил ее:

– Стойте! – подойдя к Грете, он встал на колени перед ней. – Я прошу руки вашей дочери. Клянусь честью офицера.

Мать суетливо оглядела присутствующих женщин и с вызовом спросила их:

– Как вы считаете, стоит мне судить развратника моей несовершеннолетней дочери или дать согласие на их брак и покончить с этим?

В ответ последовало молчание. Тогда Вика, поняв мать, вплотную подошла к багровому лицу Марио и внушительно произнесла:

– Мы тебе доверяли, считали порядочным. Но после всего этого нет тебе веры. Нужна гарантия от твоих командиров, что не обманешь. Понятно? Клятвы офицера оставь идиотам и своим приятелям. Все.

Марио тут же преобразился: поклялся сейчас же поехать в Посольство и добиться разрешения на брак у посла, с которым был знаком еще на Кубе, во время учебы. На лице Греты появилась снисходительная улыбка, сказавшая ему, что это именно то, что ждали от него. Сразу повеселев, кубинец поцеловал ей обе руки и обещал немедленно позвонить, как только

окажется у посла. На прощание крепко обнял Лору, шепнул ей что-то и удалился. Он действительно позвонил, но речь его была путанной, потребовала вмешательства кого-то с той стороны. Солидным голосом, на очень приличном русском языке, тот объяснил условия, при которых кубинский офицер на заграничной службе в дружественной стране может получить разрешение на брак, что в рамках двухстороннего соглашения между СССР и Кубой. Короче, посоветовал подождать, в связи с необходимостью соблюсти определенные формальности. После этого им будет сообщен результат. И повесил трубку. «Чтоб ты скис!» – в сердцах воскликнула Вика.

Тем не менее Грета была удовлетворена; решила подождать развития событий, прежде чем предпринять какие-то действия. Таким образом, прошел день-два, неделя, но Марио не спешил с объяснениями: дважды позвонил, потом перестал. Обеспокоенный Давид обратился к руководству военной Академии, в которой ему коротко, по-армейски сообщили, что курсант Марио Санчес был отчислен после вызова на Кубу, поступившего из Посольства. Там ему тоже по-военному сообщили: офицер ВС Кубы вызван на родину для продолжения службы в армии. О намечавшемся его браке с российской гражданкой Лорой Цимер им было ничего не известно.

На следующей неделе районный гинеколог констатировала у Лоры беременность с большим сроком. На семейном совете было принято решение сделать аборт. Во-первых, потому что еще молода и не готова к материнству в свои неполные восемнадцать, и, во-вторых, на небольшой площади менее тридцати квадратных метров проживало шесть человек, у каждого из них были свои проблемы, которые еще более усложнились бы вместе с рождением нового кричащего создания. В общем, брат Давида, Самуил, созвонился со своим знакомым, профессором-гинекологом, Вайнштейном, и тот, частным порядком в своей клинике, сделал удачную операцию. Молодой организм справился с последствиями и скоро Лора, как и ее братья и сестра, была полностью увлечена развлечениями. Однако, когда приходила тоска о любимом Марио, она уходила в палисадник дома и на одинокой скамейке вспоминала о нем. И не только о нем: приходили странные до тошноты думы об особых отношениях с дядей Самуилом, о которых не говорила даже маме.

Это началось с раннего детства, когда мама любила брать младшую дочь с собой в гости к дяде и тете Рахель. Бездетные родственники были всегда рады им, баловали племянницу всякой «вкуснятиной». Это был настоящий праздник после скромной домашней пищи: в их семье работал только отец на скромно-оплачиваемой должности. Короче, после обычных разговоров за столом, все расходились по своим делам: тетя уходила на прогулку поправлять на свежем воздухе свое здоровье и настроение. Дядя с мамой уходили в его кабинет после увлекательной беседы из области искусств, дядя был цензором на службе Министерства культуры. Он обладал замечательной памятью рассказчика, дочь видела, как зажигались глаза матери при общении с ним. Кабинет представлял настоящую библиотеку: кроме шкафов с книгами по искусству и не только, там был вместительный рабочий стол с удобным креслом и диван с двумя стульями. Любимым детищем дяди были богато иллюстрированные альбомы о жизни великих. В то время они были дефицитом на книжном рынке. Грета отзывалась о нем как о культурном, обходительном человеке, которого приглашали на разные события в общественной жизни города, на кинофестивали и прочее.

Оставшись одна в салоне, обставленном картинами знаменитых художников, вазами и статуэтками на шкафу под ярким светом «волшебной» красивой люстры, Лора оставляла вкуснятину и обходила сначала салон, потом коридор, тоже увешанный картинами, и шла в ванную полюбоваться на белоснежную ванную с зеркалом на всю стену и блестящими кранами. С отвращением вспоминала их желтую, разбитую «посудину» для купания в коммунальной квартире. Потом, усталая от впечатлений, возвращалась в салон, мимо закрытой спальни тети, и засыпала на уютной кушетке, погружаясь в сказочные детские грезы.

В этом состоянии ее находили взрослые, мама торопливо будила, она капризничала. И тогда дядя брал ее на свои колени и, лаская, успокаивал чем-то смешным, от чего ей сразу становилось хорошо. В более зрелом, семилетнем возрасте Лора проявила способность запоминать и пересказывать все, что было в более ранних визитах в гости к дяде. Дядя быстро оценил ее талант и предложил маме позволить ему заняться обучением племянницы основам изящных искусств, короче, привить ей вкус к пониманию этого вида человеческой деятельности. Мама, гордая за дочь, согласилась вначале на часовой урок. А потом, чуть позже, разрешила дочери приезжать одной на эти уроки. Ей хватало своих забот, чтобы сопровождать дочь на эти занятия, ставшими частыми и продолжительными.

Уроки начинались с самого приятного: с угощения сладким чаем с десертом. Потом начиналась обстоятельная беседа об очередной творческой карьере знаменитого художника, скульптора на коленях дяди. Так было легче следить за ее вниманием, а также для удобства переверачивать страницы и картинки перед глазами племянницы, не отрываясь на прочие мелочи. Иногда она сама делала это. Если дядя замечал, что она устала, начала дремать, он останавливался и нежно задувал ей в затихшее ушко струю воздуха и гладил по головке. Со сладким ощущением она выходила из дремоты, ей хотелось мяукнуть пушистым котенком на его руках. Но он упрямо просил повторить сказанное. И удивительно, она повторяла. Справлялась и с этим.

Уроки изящных искусств на коленях дяди Самуила продолжались до ее тринадцатилетия. Тогда, увидев, как племянница любит персонажами работы Ван-Дейка «Сусанна и старцы», дядя помолчал, а потом вкрадчиво сказал:

– Знаешь, по-дружески, почему бы тебе самой не попытаться стать натурщицей. Вполне развита физически, красивая и привлекательная внешность, посадка безупречна. Все, что надо...

– Смогу ли?

– Сможешь, не Боги горшки обжигают. Ничего сложного, немного терпения – вся премудрость. Все, что требуется при позировании. Сейчас, кстати, открылась вакансия у самого популярного нашего художника, Иннокентия Скворцова. Между прочим, мой приятель, могу посодействовать. Поговорю с ним о тебе.

– Да, здорово...

– Итак, решено. Пока это только между нами. Запомнила! Посмотрим, что он скажет; его Студия на балансе нашего Министерства. Никого не примут без рекомендации. Но конечно, будет проба, на ней ты должна показать, на что способна. Потому что будут и другие на это место. Возьмут лучшую. Понятно?

– Да...

– Хорошо, – серые глаза дяди, как у фокусника, покрылись загадочной пеленой и только обнажившаяся белизна зубных протезов в загадочной улыбке оживляла его лицо. Потом, будто вспомнив что-то, добавил сердито, – только чур, никому ни слова, даже маме. Скажешь, – все испортишь. Сама же и пострадаешь. Я позабочусь об этом. Итак, все зависит от художника и от худсовета Министерства. Увидим, пока терпение. Придешь через два дня. Все. Но помни о нашем секрете. Если хочешь, это будет клятва верности на годы.

С тем же загадочным видом он проводил племянницу до двери его четырехкомнатной квартиры. Там к ним присоединилась тетя. Все это время она была занята в своей спальне, куда без спроса был запрещен вход даже мужу, но когда услышала шум открывавшихся замков, вышла из ее «светлицы», так она называла свою комнату, традиционно вручить Лоре ириску в дорогу из своей коробочки.

Через два дня Лора нетерпеливо постучалась в дверь дядиной квартиры. На его немой вопрос, прямо с порога, поспешно выдохнула в нагнувшееся к ней ухо хозяина: «Никому, даже маме». Он удовлетворенно кивнул головой и галантно, без привычных объятий, про-

вел ее прямо в свой кабинет. Она сразу обратила внимание на белую простыню поверх книжного шкафа и ширму рядом. Дядя тем временем гордо вытащил из сейфа фотоаппарат фирмы Цейсс, который обычно прятал, после того как кто-то из «бунтарей», так называл сердитую молодежь, читавшую свои стихи у памятника В. Маяковского, попытался у него в гостях выкрасть дорогой немецкий прибор довоенных времен. Тетя ругала его за вредную привычку приводить в гости чужих людей, но он был упрям и «несгибаем, как большевик», твердила тетя. Время от времени приводил кого-то «для интересных дискуссий в откровенной обстановке». Любил повторять ей: «И гении – не без недостатков».

Закрыв дверь кабинета на ключ, он доверительно произнес:

– Вижу, горишь нетерпением узнать. Все в порядке: художник, настоящий друг, согласился без Худсовета устроить пробу и, если понравится, возьмет.

– А, я так рада...

– Ты вот что, прелесть моя, сначала он попросил сделать с тобой фотосессию. Видишь, мой Цейсс. Приготовил все, эта... простыня. Делать начнем прямо сейчас. Сделаю снимки с твоей природы и принесу художнику оценить твои данные и в чем изюминка. Под мою диктовку будешь изображать перед аппаратом обаятельную красавицу, в разных позах. Поняла? Сейчас зайди за эту ширму, разденься и выйди. Встань напротив простыни. Иди...

– Э... мне стыдно

– Как, что за причуды. Я – твой дядя и хочу только добра тебе. Ты что, забыла мои уроки, как должна представляться натурщица. Пропали даром. Не позорься, уходи. Зря только уговаривал такого человека, знаменитость страны.

– Я... попробую.

– Иди, художник не простил бы мне твое кривлянье. Будь умницей и заработаешь хорошие деньги, если выберешь эту профессию. Не пожалеешь. Все.

Едва Лора, пунцовая от стыда, вышла из-за ширмы, как тут же дядя сделал первые снимки. Потом не удержался, с восхищением произнес:

– Какая ты все же прелесть, моя милочка. Настоящая женщина, неотразимое очарование.

В ответ она стыдливо скрестила руки на груди, прикрыла крупные соски цвета спелой вишни.

– Ну-ну, без рук, – недовольно крикнул дядя, суетливо наведя глазок фотоаппарата на ее грудь, и немедленно, умелыми движениями, заставил ее выполнять его команды. Она принимала ту или иную позу с разными эмоциями на лице.

Скоро она устала от непривычного напряжения и попросила отдыха. Но дядя, захваченный своими мыслями, не разрешил расслабиться. Наоборот, сорвал простыню со шкафа, бросил ее на пол. И, встав на четвереньки, изобразил на ней позу в каком-то крайнем возбуждении, с улыбкой, напоминавшей сходством с ликом святой на картине фламандского художника. Она торопливо изобразила то же самое, в тот же миг крепкие руки дяди слегка приподняли ее легкое тело и что-то горячее и твердое вошло в ее плоть, пронзив болью до самых конечностей. Вскрикнув, она попыталась разогнуться, но он цепко держал ее и продолжил методичные движения. При этом плавно и напевно, как припев песни, повторял:

– Спокойно, моя радость, искусство требует терпения и жертв. Только испытав все это, его можно по-настоящему понять.

Наставнический тон дяди действовал успокаивающе и скоро исчезла судорога, ощущалось приятное. В то же время возникла тревожная мысль: как сложатся их отношения в дальнейшем? Будто поняв ее, дядя прекратил вхождения в нее и позволил ей встать со словами:

– Все, моя радость. Хватит. Нас ждут, надо ехать в Студию художника. Сейчас же. Вот что: быстро в ванну. Там полотенце, мыло – все готово: примешь душ и быстро оденься, времени в обрез. Но помни о нашей тайне.

Под сильной струей горячей воды вернулось спокойствие, на место растерянности пришла легкость мыслей. «Ну и что, – беззаботно говорила себе, – давно привыкла к нему, даже ждала что-то большего, чем его поглаживания. Показал себя мужчиной, ну и что? Не страшно. Совсем не обманщик: едем к художнику. Если все получится, у меня будут свои деньги, успех. Поживем – увидим. А секрет между нами – это несложно. Врать умею, научилась дома и в школе.

Из ванны вышла кокетливая, понимающая женщина и улыбнулась ему, как близкому другу. Дядя оценил и похлопал ее по плечу; он тоже любил позу. По дороге, в автобусе, они вели себя раскованно, на поворотах прижимались друг к другу и смеялись. Она одновременно наблюдала за эффектом на публику и радовалась растерянному любопытству в глазах взрослых, особенно, молодежи.

Доцент Иннокентий Скворцов заканчивал урок, – сеанс рисунка с натуры, студентам Высшего художественно-промышленного училища имени Строганова. Увидев вошедших дядю с племянницей, что-то сказал натурщице, а затем громко объявил: «На сегодня все. Свободны. До свидания». Только когда за последним студентом закрылась дверь, обратил внимание на Лору, которая с гадливым ощущением обзревала сводчатые стены с детства знакомой, постоянно закрытой церкви у Никитских. Они были все в трещинах, облупившаяся штукатурка сделала малопонятными силуэты изображений святых на ней. По простоте душевной, не понимала, почему классы солидного учебного заведения поместили в убогую, давно заброшенную церковь, мимо которой нередко, проходила по своим делам.

– Наслышан, вот мы какие! – произнес над ней насмешливым голосом преподаватель. – Дай руку, будем знакомы. Итак, начнем. Покажи, на что мы способны. Но без ужимок. Не терплю. Настроилась? А-ха! Хорошо. Представь мне образ школьницы на балу, как ты танцуешь с партнером, который тебе понравился. Ну, больше эмоций, зажги нас! Вижу. Ну-ну, скромница, еще! Есть мимика, можешь обольщать. Очень хорошо. Идем дальше.

Увидев, как при его словах ее лицо покрылось красными пятнами, сказал с приказными нотками в голосе:

– Сейчас по моей команде будешь делать все, что скажу. Не забывай об эмоциях на лице в разных позах на подиуме. Ага. Точеная фигурка, походка безупречная, губы, угловата. С возрастом пройдет. Мне нравится. Новый Пигмалион в мою компанию. Беру, Сэм. Оформлю, а завтра, прямо с утра за работу. Все.

– А что, Ника, – доверительно заговорил дядя, – может быть, отметим удачный дебют Галатеи?

– Ты думаешь? – с сомнением переспросил художник, бросил острый взгляд в сторону Лоры, – а что, согласен. Неплохо для начала, прошу в мои пенаты.

Своими пенатами Иннокентий Скворцов называл цокольную часть церкви, бывшую когда-то складским помещением, где хранилась церковная утварь. За счет государства эта часть здания была заново отреставрирована и переоборудована по эскизам художника. На внушительных размеров площади разместился актовый зал со шкафами, заполненными фолиантами трудов классиков марксизма-ленинизма. В середине – традиционный длинный стол под кумачом и стульями, кресло председателя под портретом Генсека страны. Для отдыха и затянувшихся встреч были предусмотрены комнаты для гостей, ванная с душевыми кабинками, туалеты мужской и женский, а также кухня с необходимыми принадлежностями для кормления и хранения продуктов.

Быстрое согласие приятеля смутило Самуила Цимера, он знал: не в привычках приятеля было принимать незнакомого или малознакомого человека в помещении, которое служило исключительно для приема особо важных персон. Они спустились вниз по винтовой лестнице вслед за художником, дядя бросал растерянные взгляды на племянницу и держал ее за руку. Он понимал: привилегия для новой натурщицы означала что-то большее, чем любез-

ная услуга приятеля. Художник был известен еще тем, что умел покорять дамские сердца не только речами на партийно-хозяйственном активе. Однако, человек верхов, Самуил Цимер с иронией относился к тому, о чем шептались в кулуарах богемной Москвы. Он предпочитал мнение «сарафанного радио», так называемых «красных платочков» из «народных» низов. Оно вполне совпадало с официальной точкой зрения нашей прессы и считало, что заслуженный художник страны обладал всеми качествами советского интеллигента из сферы культуры. Хотя бы тем, что умел возвеличить на своих портретах наших вождей, понимал, как не просто сделать героическим образ человека с рябым лицом и бородавками в самых неподходящих местах. Конечно, это вознаграждалось соответствующим образом наградами, званием, финансированием, устройством показательных выставок. В качестве благодарности его приятель с азартом обличал западный модернизм, абстракционизм и другие течения в искусстве; после поездки за границу – особенно. Но пока лишь догадывался, что задумал его расчетливый друг.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Впоследствии Лора вспоминала тот первый визит к художнику и кокетливо завершала рассказ такими словами: «Вот это был сюрприз, настоящий шок для меня». Прежде всего ее впечатлил актовый зал своими размерами и пышностью. Не картинами с пейзажами и портретами, их там вовсе не было у художника, кроме портрета главного вождя государства над креслом председателя, а пластиковыми цветными стенами, в потайной двери одной из них, неожиданно исчез хозяин. Это произошло так стремительно, что, пораженная, она схватилась за дядю, чтобы не упасть. Давила торжественность обстановки: наедине с ней ей было страшно. Тот тут же галантно подставил ей стул, успокоил, а затем направился туда, куда исчез его друг.

В их отсутствии Лора ощущала себя кроликом, ждущим участи в окружении кровожадных охотников. Как сквозь пелену тумана, она увидела быстро вошедшего хозяина дома с большим подносом в руках, с лицом, выражавшим неудовольствие. «Что они ссорятся?» – испуганно задала себе вопрос. Уловив ее смущенный взгляд, он игриво произнес: «Угощайся». Поставил поднос прямо на кумач и подвинул к ней вазу с фруктами. За ней последовала бутылка дорогого импортного коньяка, тарелка с десертом, пластиковые приборы. Возвращаясь из заграничной командировки, Иннокентий Скворцов привозил с собой целый комплект вещей для родных и друзей, как впрочем делал любой советский человек. В своих запасниках он хранил привозные пластиковые и бумажные принадлежности, в том числе полотенца, туалетную бумагу, в новинку в то время. Используя, выбрасывал в контейнер во дворе церкви. Вслед за ним вошел дядя, тоже с большим подносом, на котором стоял настоящий деревенский самовар с заварочным чайником на нем, салатница и нарезанный в пластиковые тарелки сервелат. Когда он неуверенно поставил все на стол, художник нервно обратился к госте:

– Твой дядя, мой коллега, сегодня какой-то тормоз. Ну, как?! Сам предложил отметить дебют новой натурщицы, причем, сейчас же. И сам же вдруг заторопился домой. Ждет жена! Нужен ты ей! Давно плевать твоей Рахеле, где ты и что ты. Молчи, Сэм, Да, я очень уважаю ее, вас обоих. Не будем цапаться. Давай, выпьем за ампула моей новой натурщицы, за тебя, Лора! Лехайм, как у вас говорят.

Они выпили, а она с аппетитом стала есть. «Вкусная еда, – как учила ее мама, – быстро снимет напряжение». Действительно, она скоро успокоилась и уже в мыслях воображала себя идущей по подиуму под гром аплодисментов. Будто забыв о ней, мужчины занялись своими разговорами, непонятными, но с очень энергичными выражениями. Потом резко поднялись и дядя, порозовевший от шеи до лба, стал говорить в лицо художнику о каких-то обуржуазившихся интеллигентиках, а тот вдруг высмеял речь Генсека о «недостатках в работе с кадрами». Это выглядело так смешно, что она рассмеялась, за ней дружно расхохотались мужчины. Приняв их смех на свой счет, Лора приняла осуждающую позу, поправилась и преданно посмотрела на портрет вождя. Это еще больше рассмешило их. Хозяин вдруг вспомнил о чем-то и с шуткой назвал имя ее матери.

– Вы знали мою маму? – в замешательстве вырвалось у нее.

– Конечно, – уверенно согласился тот и, как само собой разумеющееся, добавил, – между прочим, тоже по рекомендации твоего дяди; все из-за вашей проблемы с деньгами. Она была бы восхитительной моделью. Жаль, не случилось. С Викой – тоже, но не по моей вине.

– Нет-нет, – быстро вмешался дядя, – она уже тогда работала на перспективной должности в институте отца, по его протекции.

– Подумаешь, чертежница – брезгливо отозвался художник, – моя натурщица зарабатывает больше в гораздо меньшее время; поэтому имеет массу возможностей для личной жизни. Инженеркам и не мечтать об этом. Богема ценит женскую красоту, дарящую наслаждение и творческий драйв...

– Согласен, конечно, – перебил его дядя, вот и цени мой подарочек, – он от полноты чувств приник к щеке племянницы. Под сверлящим взглядом приятеля тут же отпрянул.

– Но-но, Сэм, ты знаешь меня. Оставь нравоучения публике. Короче, будем считать дебют успешным и, не теряя времени, завтра приступим к работе. В час. Как обычно, начнем с фотосессии...

– Почему? – возмутился дядя, – уже все сделал сегодня, как договорились. На днях снимки будут готовы...

– Не могу ждать, Сэм, заказ срочный. И вообще, больше доверяю своему чутью и своей лаборантке в мастерской. Затем, повернувшись к Лоре добавил назидательно, – гордись, милочка, скоро твое лицо в образе советской пионерки растиражируют в камне массовым тиражом в местах отдыха детей, взрослых тоже. На сегодня все. Хватит. Завтра жду и без опозданий. До свидания.

Художник направился к выходу, за ним послушно последовал дядя, держа за руку озадаченную племянницу. По дороге домой он досказал ей то, что не услышала от художника. Поучительным тоном сообщил, тоже по секрету, следующее. Грета часто жаловалась ему на недостаток денег, и поэтому по-родственному предложил ей поработать натурщицей у приятеля. Она согласилась позировать за соответствующий гонорар, потому что муж – «жадюга», как выразилась мама, прятал от нее деньги. За тот небольшой срок работы у Иннокентия Скворцова, она успела пополнить и обновить свой гардероб фирменными вещами и косметикой, не хуже той, что получала в посылках от ее американской сестры, Берты. Но потом это вызвало подозрение мужа Давида. Сын раввина сделал элементарный расчет, оказалось, что дебет уборщицы Худфонда Министерства Культуры никак не сходился с кредитом на ее дорогие покупки. Тогда начал устраивать ей скандалы, доходило до драки в присутствии детей. Не сумев убедить жену, Давид выследил ее до ворот известной церкви у Никитских, и, воспользовавшись благоприятным моментом ухода студентов из двойных запирающих дверей после занятий, проник в Студию Скворцова под видом должностного лица.

– Как в детективе, – шутливо произнес дядя Самуил и добавил, – твоя мама, однажды, рассказала мне, что там случилось.

В общем, не испугавшись темноты мрачных, облупленных стен, он прошел через предел и уже в середине услышал, у винтовой лестницы впереди, звуки музыки. Ревниво подумал, что жена там развлекается с кем-то и спустился по лестнице вниз. Стал стучать в чугунную дверь: «Откройте! Иначе разнесу вашу богадельню!» Твоя мама в испуге: «Никогда не ожидала от отца такой прыти», – уже собралась открыть, но Иннокентий задержал ее. Гаркнул в дверь: «Кто здесь, вон отсюда! Вызову милицию!» А Давид ему: «Выпусти жену!» Тогда возмутилась твоя мама, открыла дверь и началась комедия.

– Зачем пришел? Я – на работе. Ты что: позоришь меня? Ты же знаешь твоих денег не хватает. вот и подрабатываю в Худфонде натурщицей, обычная структура в Министерстве Культуры. В данный момент со спецоплатой; включила музыку, потому что утомилась.

– Слышал, подлая, какая спецоплата, – хамски бросил ей в лицо. Тогда ему в ответ:

– Подбери слова, импотент! Ты – не дома: ушло время, когда безнаказанно оскорблял меня. Я защищена законом – мать четверых детей, при официальной должности. Оставь себе прогнозы, соблюдай приличия.

Иннокентий тоже не выдержал, сорвался петушиным фальцетом, даже сломал при этом дорогой импортный фломастер:

– Какой-то тиран! Не прав: у женщины тоже свои интересы, не только у тебя, мужлан. Кстати, кое-что известно о твоих киевских похождениях в командировках по проекту «Дружба». Имей в виду, найдутся свидетели о твоих любовных интрижках. Лучше прикрой свой рот! А Давид – свое: «Если еще раз застанет „художества“, то с нарядом милиции».

– И что, мама перестала позировать из-за отца? – переспросила удивленно Лора и зевнула.

– Ну да, – подтвердил тот, – от него можно ожидать все, если еще молодую шестнадцатилетнюю твою мать сумел развести с мужем, таким же молодым танцовщиком в Харьковском театре Оперетты. Не посмотрел, что у них грудной ребенок, твой брат Фред. За месяц развел их и женился на ней. Потом увез с собой в Москву, почти в два раза старше ее.

– Как интересно, – вырвалось у Лоры, – а что дальше?

– Скажу тебе откровенно, – задумчиво произнес дядя, – душа твоей мамы – какая-то фантазия. Иначе не скажешь. В ней живет одновременно капризный подросток и пожившая, много пережившая женщина. Для нее жизнь – водевиль, она – автор и главный его герой. Люди, как куклы: она играет с ними, переставляет по-своему и, развлекаясь, получает удовольствие. Так поступила с твоей сестрой. Вика тоже хотела выступать на подиуме, но, узнав через мою жену о ее желании, категорически запретила. Ты знаешь, под банальным предлогом: готовит ей перспективного юношу из числа «золотой» молодежи в Институте международных отношений. А моего приятеля, Иннокентия, обозвала неуравновешенным гением, с которым лучше не связываться: никакого с ним будущего. С чего так решила – непонятно. Из-за Вики мы рассорились с братом, Давид устроил ее к себе в институт. Ты знаешь.

После откровенного разговора с дядей Лора не впала в разочарование: практичный ум подсказал меньше рассуждать, а делать. Тогда будут деньги. Ради них и мама не посчитала зазорным стать натурщицей. К тому же есть возможность сверкать своей красотой в кругу богемы, для начала, студенческой. Но всегда рядом будет друг и советчик, дядя Самуил. В качестве студийной натурщицы, Лора дважды в месяц получала заработную плату вместе с напарницей, Верой. Они успевали немного переговорить, прежде чем художник, очень опасавшийся интриг, не выпроваживал кого-то из них к двери. Коллега по ремеслу как-то рассказала ей забавную историю о предыдущей натурщице Рае. Ее уволили после того, как она пожаловалась в профсоюз на «некорректное поведение» гостей художника во время «творческой вечеринки» в цокольных пенатах церкви у Никитских. Потом студенты долго цитировали крылатые слова их шефа: «Богема, в этом феня, – не профсоюз для еврея».

Судьба улыбалась Лоре. Получив от дяди багаж знаний по живописи и зодчеству, она свободно использовала его в общении со студенческой аудиторией преподавателя Скворцова. Их ответные быстрые суждения развивали далее ее вкус. Художник снисходительно относился к «шалунье», племяннице друга, когда узнавал о ее «хождениях» на вечеринки, в компанию его учеников, живших в общежитии. Он был либерал, когда выслушивал интересные детали «о песнях под гитару и вино до утра». Гвоздем программы была его натурщица Лора.

– Зачем нам с тобой модная одежда, макияж, – говорила она сестре Вике, – у нас с тобой и без них привлекательная внешность: я – брюнетка, ты – блондинка. Красоте не нужна помада, а фигурка, косы, полненькие ножки сведут с ума любого мужика и без модных туфель. Ха-ха, сногшибательный дуэт! Достаточно тряпок и косметики из посылок тети Берты.

Родная сестра Греты, Берта, эмигрировала вместе с матерью в Америку в двадцатые годы. Там устроилась переводчиком в Морское ведомство США и вышла замуж за морского офицера Дугласа Хьюма на шестнадцать лет старше ее. Они жили многие годы в достатке и в свое удовольствие, пока внезапная смерть матери от рака не изменила все ее планы. У Берты произошел психологический срыв и, как следствие, понижение жизненного тонуса. Затем возникла ностальгия по родине, усиленная неудачами России на фронтах с Германией в первые годы войны. На пике заостренной тоски по родной сестре в разоренной бомбежками Москве, она начала оказывать ей помощь посылками, а также – морально, многостраничными письмами о своих переживаниях. У жены военного атташе при Посольстве была возможность делать это через дипломатическую почту. Вскрывать почту, вещевую и продуктовую пересылку – запрещалось даже КГБ СССР.

В своих посланиях обе сестры в мельчайших нюансах описывали интимные переживания, разные семейные, бытовые обстоятельства жизни. Это был накал сентиментализма, сродни эпистолярным сюжетам Самюэля Ричардсона. На детей Греты он тоже оказал моральное воздействие. Они были непременными, самыми эмоциональными участниками спектакля написания письма тетке. Мать принимала позу дирижера, ручка в зубах, бумага, готовая к письму на столе, и замирала на минуту в молчаливом религиозном экстазе. Этот жест означал для Роба упасть на пол и изобразить голодающего нищего. Тут же над ним возникал самый старший – Фрэд и начинал изображать процесс затягивания петли на шее брата со словами: «Ни дна нам, ни покрывки». После них более младшие сестры, Вика и Лора, как по команде, поднимали жалобный вой. Под общий гомон Грета садилась за стол: творческий труд над бумагами заставлял замолчать детей. И так до следующего молчаливого жеста режиссера: сцена повторялась с некоторыми изменениями и добавлениями со стороны «главных исполнителей» ролей.

В компании взрослых друзей Грета любила повторять:

– Мы не какие-то замухрышки, фони-квас; нам, сестрам, надо обязательно поделиться о наболевшем, высказаться о хорошем. Тогда полегчает на сердце; не надо, чтобы оно болело. Ну, да. Мужчинам этого не понять. А как смолчать, если у ребенка прорезался зубик, или они там, в школе, натворили что-то. Ну, как, не осудить мужа, который где-то на стороне транжирит деньги, на каких-то шлюх, а дома устраивает скандалы по пустякам, еще тиранит детей своими подозрениями. Представьте себе, я прожила с Давидом треть жизни... и что? Вечно в нужде, без денег, без помощи, он, видите ли, много работает. А денег от этого – пшик. Лучше сидел бы с детьми, клянусь честью. Берточка – единственный человек, так понимает меня. Оттуда, за океаном, а видит всю эту низость вокруг, хамство соседей, продавцов в магазине. Мы знавали в детстве благородных людей, где они сейчас? Отец, за все хорошее оказался в Сибири, а мама с сестрой – в Америке. Ну, и что? Тоже страдает, мучается с мужем. Человек старше на столько лет, а ведет себя двадцатилетним юнцом. Где бы ни был в командировках, появляется у него молоденькая подружка. Удивительно, вовсе не скрывает. Недавно завел японочку, привез с собой в Бостон. Хочет развестись, при двух-то детях, Марке и Шейле. Но он совсем равнодушен к ним. Такая распушенность и все от вседозволенности. По-моему, уж лучше бедность, чем порочное богатство. Сердце бедной Берточки кровоточит в одиночестве: детки из-за бесстыдства отца ушли из дома, в студенческий кампус при Университете. Очень способные, отлично закончили колледж. Но с матерью редко общаются. Все по милости людоеда-отца.

Ее как-то спросили, кого она больше осуждает: Давида или Дугласа. Грета встрепенулась, скосила левый глаз взнузданным конем и гордо парировала:

– Конечно, Дугласа. Давида хотя бы можно оправдать на один-единственный гран тем, что ежемесячно отстегивает Лорочке мелочь на карманные расходы. Что хотите? Любимица его. Никогда не спросит, откуда у нее деньги на очень приличную тряпку. Ой, не поверите! Слушает с разинутым ртом ее байки о скромности, искусстве, а самому: что живопись, что поэзия, что музыка – все одно: «ненужная лирика». Умора, клянусь честью, смущается смотреть на картину с обнаженной женщиной. Зашоренный на бабу-труженицу в платочке, которую можно, как проще, без ласк: ложись и отдай свое тело. Скот!

– Гм, мам, – лицемерно вставляла Лора, – отец так шутит: если не почувствую красоту руками – не поверю. Много раз объясняла ему, чему научил дядя Самуил: искусство необходимо для просвещения людей, иначе зачерствеет душа. Худшего не может быть, а красота спасет мир. А он в ответ свои ядовитые насмешки. Дядя считает, его не исправить, не оторвать от служебного стойла. Так и сказал. Ха-ха.

Она с некоторых пор сама удивлялась своей сметливости в отношениях со «спонсорами», так мама называла тех мужчин, которые оказывали помощь и внимание женщине в разных ситуациях ее жизни. Лора умело отказала своему шефу, художнику Скворцову, в дополнитель-

ных сеансах позирования, несмотря на то, что он, по его выражению «светился флюидами» творческой энергии после возвращения из-за границы. Моделью для их воплощения на бумаге стала другая. Может быть, она стала причиной того, что в Студии все чаще появлялась жена его, Жанна. Дочь военного, офицера высокого ранга, она была воспитана в верности мужу и женскому долгу, любые намеки, сплетни о муже отвергала короткой фразой: «Отставить разговорчики». Жанна долго не задерживалась: услышав в тишине Студии писк церковных крыс, спешила удалиться со словами:

– Совсем не обязательно учить малевать с голой натуры. Красота природы увлекает гораздо больше, и никаких беспутных мыслей у молодежи.

Дядя Самуил правильно оценил открывшиеся у Лоры способности. Он не обиделся на племянницу за отказы, но предложил ей посещать разнообразные развлечения вместе. Цензор Минкульта имел право первоочередного обслуживания в театральных и прочих кассах зрелищных предприятий. В план родственника входило, как можно больше отвлечь ее от бурных походов молодости. И его радовало, когда она соглашалась, потому что это означало, что его труды, заложенные с детства в Лору, не пропали даром. Ее по-прежнему влекло к искусству, включая выставки молодых художников. И он старался удивить или рассмешить ее экстравагантностью по всякому поводу. Когда они сидели в передних рядах партера театра, дядя Самуил комментировал события на сцене, игру актеров. Он постепенно приходил в сильное возбуждение, пытаясь впечатлить эрудицией не только племянницу, но и сидящих вокруг. Однако его громкий шепот неизменно вызывал призыв замолчать: «шш». Его реакция была уничтожающей: дядя поворачивался в ту сторону и мерил «обидчика» испепеляющим взглядом. Потом демонстративно приближался к уху Лоры и достаточно ясно шептал ей что-то нелицеприятное о том человеке, при этом держа руку на коленке родственницы. Если было смешно, она смеялась, если нет, слушала и не возражала, как учила ее тетя Рахель, «первая и последняя» жена, по его словам.

Тетя нередко приглашала ее на прогулку, для вечернего моциона. Звонила незадолго до встречи и коротко изрекала: «Можем увидеться на променаж. Жду полчаса». И сразу вешала телефонную трубку, не ожидая ответа. Гудки означали: время пошло. Если Лора приходила вовремя к месту встречи у кинотеатра «Прогресс», они начинали прохаживаться в районе гостиницы «Пекин» и обменивались почтительными поклонами с прохожими, некоторые из них знавали богатого московского ювелира, после своей смерти оставившего дочери три сберегательных книжки и престижную дачу с мебелью. Но об этом предпочитали не говорить. За чашечкой кофе они вели недолгие беседы на последнем этаже гостиницы «Пекин». Наедине с Лорой тетя говорила о достоинствах и недостатках мужа, никогда его не ревновала, даже если приводил и представлял ей новую гостью. «Главное – это сохранять чувство собственного достоинства», – любила повторять племяннице. Однажды Лора узнала от нее, по секрету, что ее отец занял крупную сумму денег на приобретение кооперативной квартиры.

Однако племянница не сдержала свое слово и рассказала о такой новости маме. Грета не поверила: решила, что тетушка окончательно «свихнулась» на старости лет: тетя была старше дяди на четырнадцать лет. Для обывателя тех лет покупка кооператива считалась чем-то заоблачным из-за необычайной стоимости его, а также многих бюрократических процедур, которые требовалось преодолеть при этом. Давид же отмалчивался, иногда отшучивался, что он – не разбогатевший спекулянт и даже не высокооплачиваемый партийный бонза, а всего лишь совслужащий средней руки, с такой же зарплатой. Прошло немного времени и Грета перестала вспоминать об «отцовом кооперативе». Но эта Лорина новость напомнила ей о себе чуть позже звонком приятеля Скворцова. Художник злорадно сказал по телефону, едва услышав голос Греты в трубке:

– Ты знаешь, моя хорошая, у меня потрясающее сообщение о твоём Давиде. Не поверишь.

– Что еще? – нетерпеливо выдохнула она, вдруг интуитивно вспомнив о новости дочери и недавнем скандале с мужем.

– Слушай, все по порядку. Я недавно писал портреты семьи солидного клиента, директора НИИ, в котором работает твой муж. Это были не только портреты, но и натюрморты в его новую квартиру кооперативного дома, построенного на средства его сотрудников. Я вначале и не подумал, что среди них и твой Давид. Но потом в разговоре с клиентом, все-таки спросил о твоём, и вот, пожалуйста: он назвал этаж и номер квартиры твоего муженька. Даже уточнил у него, на какие шиши сумел купить ее Давид. Тот подтвердил – за его участие в качестве архитектора в реализации Проекта международного нефтепровода из России в Европу, ему полагалась приличная премия. Он ее получил, а откуда он еще взял сумму, ему неизвестно. На однокомнатную малогабаритную квартиру хватило. Так разберись, откуда они у скромного советского инженера, отца многодетной семьи. Желаю удачи.

Эта новость повергла Грету в шок, подобный тому, который она испытала при бомбежке немецкими самолетами их эшелона по дороге на Урал. Тогда тоже волосы поднялись и долго не опускались на ее голове. Она вначале хотела устроить мужу скандал, вплоть до развода. Но потом решила прежде выяснить, кого он привел в новую квартиру, и пригласить милицию, чтобы разоблачить многоженца, а затем по суду получить свою долю от изменщика Давида. Для этого она несколько дней выслеживала в его подъезде дома, но кроме «очкастого коротышки», который приходил и через небольшое время уходил, тоже с какими-то бумагами, не увидела. Поэтому отказалась от слежки, тем более, что в одной из поездок на эту кооперативную квартиру познакомилась с приятным мужчиной, Иваном Петровичем Блиновым. На другой день после знакомства с ним она решительно потребовала объяснений от мужа:

– Говори, лжец, что это значит: у тебя кооператив! И что причитается нам. Все годы жизни терпела рядом с собой подлеца, импотента, а он, оказывается, знай, копил себе денежки. Ну что?! Будешь один там жировать на площадях, сюда же приходите только портить воздух. Не позволю! Так что, поделишься или отдашь по суду?

Давид, будто ждал этого разговора и, видно, готовился к нему:

– Не спеши с выводами, – не менее категорично, – да, я стал пайщиком кооперативного дома, но совсем недавно, когда получил премию, за успешную сдачу Проекта Дружба, тебе известного. Еще занял деньги у Рахели, у друзей на работе. Хотел нашим ребятам оставить в наследство. Но ситуация изменилась, после того как узнал от приятеля в Главном архитектурно-планировочном управлении о том, что наш дом и вся эта сторона улицы подлежит сносу в самое ближайшее время. Я много выяснял, почему и кому; и только на днях мне конфиденциально сказали: для нашей знати. Построят по особым проектам с инфраструктурой многоэтажные комплексы домов. Поэтому всех жильцов выселяют отсюда, дадут отдельные квартиры в новых районах столицы. Представляешь, какая удача для нас: каждому по квартире. Мечта!

– Не верю: такая же мечта, как коммунизм в ближайшую пятилетку.

– Нет, ошибаешься. Этот вопрос можно считать вчерашним. Я точно выяснил, в этом заинтересовано само руководство страны, потому что очень быстро было принято решение по этому Проекту Горсоветом и сразу были назначены Генподрядчик и подрядчики. Они уже приступили к предварительным работам. Я понятно изложил? Что скажешь?

– Э, Давид, – неуверенно протянула Грета, – твоими речами да мед пить. А на деле? Пристроил дочь к себе на работу, обещал перспективы. А где они, с такими-то связями?

– Опять за свое, глупая баба, – возмутился Давид, предчувствуя перелом в настроении жены, – у Вики – полный ажур: скоро повышение в должности и зарплате. Выяснил из надежных источников. В общем, все у нас, как нельзя лучше. Только прошу, никому ни слова о нашем разговоре. Если узнают соседи, эти кляузники могут напакостить: пойдут в ЖЭК, а то еще выше со своими претензиями. Тогда бюрократы не посмотрят, что кооператив – это такая же

личная собственность, как дача, шкаф, рубашка. Срежут полагающийся нам метраж, потом судись с ними. Кому охота! Поэтому, давай пока закроем эту тему между нами. Будущее покажет.

– Ну, что ж, поживем – увидим, – со вздохом согласилась супруга, но тут же добавила, – к нам в гости придет мой знакомый, Иван Петрович, его дети просто зовут Ваньч, человек очень приятный, одного возраста со мной, всем понравился. Считай мою просьбу условием нашего соглашения. В нашем убогом жилище он развлекает, не дает скучать, а еще терпелив, не лезет в амбиции, как ты. Вечно занят своей работой, не до нас.

– Пусть, – Давид устало махнул рукой, – ни к чему раскачивать лодку, скоро начнутся такие дела, будет не до гостей. Понятно?

– Хорошо, – язвительно заметила жена, – а там посмотрим, куда выведет кривая. Ждать нам не впервой.

Ее сценарий отнюдь не предполагал терпеливое ожидание, скорей наоборот: энергичные усилия выпрямить кривую в нужном направлении. Поэтому мира между супругами не было, возникали спорные ситуации. Давид старался избежать их помня о договоре с женой. Терпел приколы за вечерним чаем, а когда становилось невыносимо, вставал, говорил с наигранной улыбкой: «Утро вечера мудренее» – и уходил в спальню. Натянутое на голову одеяло заглушало звуки гитары Ваньча.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

И все же Давид не выдержал и однажды сорвался. Пришел позже обычного с работы, за столом были только супруга и гость, Иван Петрович. Грета небрежно кивнула ему головой на приветственный взмах его авоськи с продуктами. «Тсс, – дети спят», – сказала шепотом. Ее небрежный кивок вдруг вызвал раздражение, он бросил сумку на пол и нервно негромко прокричал: «Когда, наконец, закончатся поздние посиделки!» Грета немедленно обиженно возразила: «Позволь, почему при госте? И вообще, собственно, в чем дело? Не скучаем, живем в тесноте, да не в обиде, пока ты вечно на работе. А может, втираешь очки, еще разобраться...»

– Опять за свое, глупая баба, – досадливо произнес Давид и пошел в прихожую повесить сумку на крючок вешалки. Поймав на себе остекленевший взгляд приятельницы, Ваньч торопливо поднялся и направился к выходу. Но проходя мимо хозяина, не сдержался, произнес:

– Однако, что за обращение! – и последовал далее.

Но и эти никакие слова задели самолюбие Давида; он повернулся и сильно толкнул в спину гостя: «Вон отсюда, не приходи к нам!» От неожиданности Ваньч едва удержался от резкого удара, схватился руками за косяк двери и сразу повернулся к обидчику. Зло схватил его за руки и тараном протасил в комнату. У кухонного стола, пытаясь освободиться от борцовского захвата, Давид неловко увернулся и корпусом наклонил его так, что с него с громким стуком посыпалась посуда на пол. В спальне раздались испуганные голоса, затем в проеме двери показался недовольный Фред.

– Звони, сынок, участковому! – прокричала ему не своим голосом мать.

Повторять не пришлось: юноша ловко проскочил мимо сцепившихся мужчин, быстро набрал короткий номер милиции и вызвал срочный наряд на адрес. Немного задержался у телефонного аппарата из-за того, что кстати вспомнил, как в детстве по вине отчима ему доставались не самые лучшие подарки. Он стоял и злорадствовал, что хоть чем-то сумел досадить приемному отцу, да и особой любви между ними никогда не существовало.

Старшему лейтенанту Николаю Сивухе было не впервой разбираться в конфликтах между соседями по разным коммунальным делам, но в данном случае конфликт был иного рода. Поэтому он с особым пристрастием допросил гражданина Ивана Блинова, как лица, не имевшего юридического права вмешиваться в семейные обстоятельства жильцов вверенного ему участка. И конечно протокол, составленный им после объяснений двух сторон, несмотря на защиту Гретой действий Ваньча, был в пользу Давида. Однако, когда пришла очередь подписаться под своими показаниями, никто не тронулся с места.

– Ну что, граждане хорошие, я жду, – удивленно спросил он.

– А вы, как полагаете, кто прав? – ответила вопросом Грета.

– Суд разберется, – коротко ответил участковый уполномоченный.

– Тогда извините, товарищ уполномоченный, сами разберемся. Клянусь честью, такое впервые и повтора не будет. Я постараюсь. Так и доложите начальству. Я к их услугам, если понадобятся разъяснения.

Проводив Николая Сивуху до двери, Грета резко открыла дверь и едва не сбила соседку, стоявшую рядом; тут же энергично извинилась перед Нюшей. Изобразив страдание на морщинистом личике, женщина сжала в благодарности бледные губы трубочкой и выдула из них: «Ничаво, спасибо, не сумлевайтесь. Завсегда держись подале от ихней двери. Дак все одно норовят зашибить. Благодарствую». Мышиные глазки еще раз внимательно окинули обоих вышедших, прежде чем пожилая соседка ловко юркнула за простенок кухни, где располагалась ее десятиметровая комната. Там в своем дневнике она спешно записала все, что услышала о ссоре в комнате Цимеров. Впоследствии ее «летопись» случайно нашел Иосиф в простенке

между входными дверьми подъезда после отъезда сестер на новую квартиру в новом районе столицы.

После драки Давида с Ваньчем Грета подала на развод. Муж не стал ждать решения суда: переехал в свою кооперативную квартиру. Его место занял ее гражданский муж, Блинов И. П. Все произошло довольно буднично: дети привыкли к разным гостям в доме после конфликтов родителей. Нередко в связи с ссорами сами уходили к сверстникам во дворе дома или в школе. Со временем у старшего, Фреда, установились добрые отношения с более старшими ребятами двора. Ему разрешили смотреть и ухаживать за птицами, пока голубятники играли в карты, пили вино. Скоро он тоже научился приемам игры, наиболее популярной у авторитетов двора; увлек картами и брата, Роба. Неизвестно, чем бы закончились «университеты» братьев, если бы не их счастливая звезда в образе дяди Самуила, брата отца.

Когда Грету охватила тревога из-за повторного попадания Фреда в детскую комнату милиции по подозрению в налете на винную лавку у Центрального рынка, она позвонила деверю и попросила его уладить дело с милицией. Тот обещал помочь. Он не только вызволил племянника из приемника для несовершеннолетних, но и сумел заинтересовать парня занятием, которое в дальнейшем стало его профессией. Созвонившись с опытным педагогом из Городского дворца пионеров, Еленой Россе, он договорился с ней прослушать племянника и дать заключение о его способностях. Фред сначала не соглашался идти на прослушивание, но дядя обещал и сводил его в Планетарий. После посещения и многих восторгов по этому поводу было получено его согласие. Заслуженный деятель искусств, много лет проработавшая во Дворце, разыграла с Фредом сценку знакомства в переполненном трамвае, поговорила с ним и сделала вывод, что есть смысл поступить в Театральную студию Дворца. И оказалась права. Фред увлекся занятиями в Студии и забыл о встречах с «харизматиками двора», как предрекала дипломированная психолог. Он даже побывал на гастролях Студии в Болгарии и Польше, а потом по конкурсу поступил в Институт театрального искусства, ГИТИС.

Поэтому, когда проблемы с милицией возникли у Роба, мать вновь обратилась к родственнику. Узнав от нее, что и дома паренек представляет себя Тарзаном из популярного в то время американского телесериала, в качестве трофея взятого из фондов фашистской Германии, он стал брать племянника с собой в Дом Кино. Ему, по должности цензора Министерства культуры, предписывалось просматривать новые киноленты, в том числе, зарубежные, с целью дать им экспертную оценку с точки зрения соответствия идеологии и морали советского человека – «строителя коммунизма». Все «остальные атрибуты буржуазной морали, не нужные нам», нещадно вырезались в мусор. Короче, у Роба была прекрасная возможность «увидеть мусор» в его первоначальном виде и сделать свои выводы. Большая привилегия для него, потому что у зрителя Большого экрана страны такой возможности не было. Праздник посещения кинотеатра отравляли частые порывы ленты на экране, после которых было трудно увязать последующие события с предыдущими. Весь кинозал возмущенно кричал: «Механика на мыло!». Потом зрители долго спорили, что могло быть в том «самом интересном» месте, где произошел обрыв киноленты и зажегся в зале свет под крики зрителей.

Хождения на завлекательные вечера Дома Кино отвлекли Роба от озорных дворовых дел. При встрече с приятелями он гордо рассказывал им киносюжеты, о том, кого видел в фойе Дома, с кем из популярных артистов и деятелей киноискусства ему удалось поговорить или даже познакомиться. Будучи общительным по натуре, с годами у него завязались приятельские отношения с определенным кругом людей из Богемы деятелей киноискусства.

Судьба улыбнулась и Вике. После посещения Отчетного концерта Театральной студии Дворца пионеров, в котором Фред играл разные, отнюдь не второстепенные роли в классических и современных спектаклях, она была настолько впечатлена увиденным на сцене, что на другой день попросила старшего брата привести ее в Студию рисования и лепки Дворца. Руководитель Студии нашел у нее художественное дарование и предложил посещать его уроки.

Впоследствии работы когда-то драчливой девчонки, пачкавшей стены в школе и дома, выставались на Выставках художественного творчества детей и юношества.

Судьба улыбнулась и самой младшей в семье Цимер, Лоре. Насмотревшись по телевизору на Чемпионат Европы по фигурному катанию на льду, она капризно заявила отцу, что тоже хочет быть фигуристкой. Такой же, как те, кто исполняет ногами всякие невообразимые «антраша» на льду. Отказать любимице Давид не мог и не замедлил исполнить ее просьбу. Он стал возить ее на тренировки искусству одиночного катания на льду, а пропущенные часы на работе возмещал вечерами и в воскресные дни. Оба, отец и дочь, мечтали о лаврах чемпионки Европы, но их надеждам не дано было исполниться: на одной из тренировок перед городскими соревнованиями Лора упала и сильно ушибла мышцу ноги. Со временем боль прошла, но остался посттравматический синдром.

«Смену караула» – по циничному выражению Роба в связи со вселением Ваныча – они встретили спокойно. В ребяческом коллективе, как в хоре, у каждого певца была своя ария. Уравновешенный Ваныч умел спокойно выносить партии каждого из них, в каком бы пародийном стиле они ни звучали; не позволял себе ничего лишнего в ответ на едкие приколы, обидное обращение гасил в себе, переводя все в шутку. На каверзный вопрос Фреда о ночных скрипах на кровати родителей глубокомысленно отмалчивался, несмотря на восторженные гримасы Роба, хитроумную улыбку Вики и сдержанный смех Лоры. Это была месть родителям за утрату розовой пелены невинности у высокого голубоглазого красавца-блондина и у Роба, породистого брюнета с шапкой иссиня-черных волос, на голову ниже брата; утонченный спектакль для их младших сестер. Мать благодушно наблюдала, но в конце следовало ее хлесткое резюме:

– Милые мои! Всеу свое время. Придет и ваш час рожать детей; только прежде всего научитесь различать хорошее от плохого. Вот когда поймете, что к чему, разберетесь, каков он или она, тогда – вперед. Смело идите на близость, которая называется любовь. Не стесняйтесь, можно все, в постели – тоже. Что естественно, то не позорно. Позорно воровать, а спать вместе мужу и жене, как у нас с Ваней, нормально. Конечно, можно купить новую кровать, чтобы не скрипела. Это не главное, – важно, чтобы рождались дети. Вон, какие красавцы и красавицы выросли, а откуда? Оттуда: в моем животике завелись, а вылезли отсюда, из моей манды. Вот так, сынки.

Грета любила одним бранным словечком ставить на место тех, кто подшучивает, и тех, кто слишком серьезен. Ваныч с трудом сдерживался, чтобы не обнять свою своеобразную подругу, врага условностей. «Ему, скромному инженеру Патентного отдела института ГИПРО, – думал он, – привалило такое счастье встретиться с той, о которой и не мечтал». Тут же давился от смеха, когда супруга характерным движением верхней губы к носу изобразила обиду младшей дочери. Потом с трудом сдержался, когда, вдруг всплеснув руками, словно крыльями, она закудаhtала курицей, изобразив его мать. Анна Леопольдовна, пожилая приземистая женщина лет шестидесяти из Марийской глубинки, однажды приехала познакомиться с невесткой. Сын представил их прямо на платформе вокзала. Его мать, увидев Грету, засуетилась, запричитала: «Ой, сыне, с кем спутался». Тем же днем она распрощалась со всеми старомодным поклоном, а возвратившись домой, написала сыну о дурном сне.

Дар Греты комического перевоплощения передался сыновьям. Она однажды срежиссировала им жесты и мимику лица из юмористических сценок между длинным, тощим Патом и полноватым коротышкой Паташонком. Всякий раз потом, если хотела позабавить их, охотно повторяла ужимки французских комиков. Оба сына с удовольствием подыгрывали ей, а со временем сами начали изображать в школе и в пионерском лагере подобные смешные сценки между собой. Одно время за обоими закрепилась кличка – Пат и Паташонок. В связи с удачной игрой Робу прощались его экстравагантные проделки и прямолинейность ответов, которые другим бы не простились.

Братья любили собирать компанию у себя дома, приводили разных сверстников, чтобы развлечься и посмеяться. Однажды Фред представил гостя, студента Высшего художественного училища имени Строганова Георга Галустяна. Это был молчаливый замкнутый юноша, тихо сказавший всем при входе «здрассте» и тут же севший на пол ближе к двери. Фред насмешливо провозгласил над ним:

– Слушай, ребя, вот еще интересный экземпляр. Познакомился с ним в общежитии, в день рождения Влада. Представляете, отрывается по полной программе, а этот оригинал не колбасит и никакая водка не берет. Непрístupен, как скала. Занятно, решил познакомить со своими. Как? Зовут его просто Жорж.

Все взгляды с любопытством рассматривали его несколько минут, но новый гость никак не откликнулся на обращенные к нему слова: равнодушно сидел и молчал. Наверное, он бы просто ушел, если бы не Ваньч, который обратил внимание на его длинные тонкие пальцы рук, время от времени сжимавшиеся и разжимавшиеся до хруста.

– Слушай, какая у тебя музыкальная кисть, – пошутил он над ним, – может лучше заняться игрой на инструменте, чем водить по бумаге?

Обычный прикол в компании неожиданно задел самолюбие будущего художника. Он неспешно поднялся и тоном человека, не терпящего нравоучения, громко заявил:

– Хотите докажу: кисть художника сможет такое, что не у всякого музыканта получится. Кто согласен мне позировать?

– А что? Докажи, – озорно сказала Грета, окинув всех победным взглядом, – на что способен ты!

Гость тут же привычно полез в свою выдавшую виды спортивную сумку, достал коробку с пастелью и лист ватмана. Закрепил его на дощечку и, спокойно попросив ее не двигаться, начал наносить быстрые мазки. Делал, не отрывая задумчивых глаз от модели; при этом сохранял молчание, несмотря на то, что Грета нередко двигала головой в разговоре с кем-то. Едва он устало откинул руку от ватмана, как рядом оказался Ваньч. Всмотревшись в рисунок, он громко восторженно воскликнул:

– Ба, смотрите! Да это же искусство. Просто здорово! – и показал всем. Рисунок пошел по рукам и каждый выражал такой же восторг. Это был мастерски исполненный поясной эскиз портрета чувственной красивой женщины в профиль. Величавая головка под тяжестью пышного пучка волос на затылке слегка была откинута назад, подчеркивая длину лебединой шеи, которая плавно переходила в выпуклость высокой изящной груди. Она завершала сюжетную линию в незабываемый образ. Он понравился и самой Грете: потом она хранила его вместе с письмами сестры в своем шкафчике. С этого дня Жорж стал своим у Цимеров, но не только из-за удачного рисунка. Он мастерски умел делать по собственным чертежам оригинальные домашние приборы и принадлежности. Например, декоративные светильники, оригинальные сантехнические приспособления, ручки кранов из пластика. Это был неповторимый дизайн, который украшал потом не только комнату Греты, но и коммунальную квартиру. На глазах соседей студент снял и выбросил в помойку засиженные мухами старые металлические светильники из коридора, кухни и ванной, а на их место повесил красивые новые из пластика.

Георга Галустяна, сироту с четырехлетнего возраста после автокатастрофы в горах Армении его отца с матерью, на семейном Совете решили отправить в Москву на воспитание к брату матери. У дяди Ашота не было своих детей с женой Марго и, занимая высокий пост в Министерстве Торговли, он был, по мнению Совета, самой подходящей кандидатурой для этой миссии. Дядя охотно принял предложение, посчитал, племянник украсит жизнь его и жены. Он встретил с подобающей помпой ребенка с сопровождавшими его бабушкой и тетей в аэропорту, затем отвез на служебной машине к себе домой. Пожив три дня, женщины вернулись домой, уверенные в том, что мальчик в надежных руках. Не учли лишь одного: воспитанием

будет заниматься не вечно занятый на работе дядя, а его неработающая жена и домохозяйка, моложе мужа на четырнадцать лет.

Тетя Марго вначале с энтузиазмом взялась за воспитание приемного сына, но, обнаружив в ребенке упрямство, быстро охладела к этой непростой миссии. Неполное среднее образование подсказало мачехе самый простой метод добиться послушания – физический. Так учили ее родители: практиковали наказания за провинность. Она ставила мальчика в угол и в такт шлепкам закручивала ему ухо до боли: «Сколько мне еще терпеть непослушного заморыша, когда, наконец, перестанет пачкать стены мазней». Маленький Жорж терпел, не издавал ни звука; отмалчивался, даже когда дядя Ашот, заметив на лице племянника отчуждение, спрашивал с удивлением: «Отчего такой мрачный, зачем так ожесточился?» Не услышав ответа, сам себя успокаивал: «Какое может быть недовольство: дом – полная чаша всего. Только скажи, племяш, и будет тебе птичье молоко на блюдечке. Но учти: – мой дом – епархия жены. Надо ее слушать».

Однако скоро в одном из шкафов его кабинета, на самой нижней полке, стали появляться брошюры и книги по искусству, графике; в том числе, детские, по обучению рисованию. При их появлении дядя Ашот приглашал к себе племянника, рассказывал и давал объяснения, если тот спрашивал. Выпускнику Архитектурного института это было совсем нетрудно, потом он даже оставлял Жоржа в кабинете и уходил по своим делам. Так было до тех пор, пока тетюшка Марго не обнаружила пропажу подписного издания книг Стендаля из книжного шкафа. Она обвинила в краже приемного сына. Дядя угрюмо похлопал племянника по плечу и поучительно произнес ему в глаза:

– Знаешь, племяш, воровство – оно для подлых, низких людей. Не поступай так никогда. Это – мерзко. Проси у меня все, и я достану тебе, как бы трудно это не было. Клянусь, сделаю все, кроме одного – не дам тебе сбежать к бабушке Куджеран. Знаешь почему? У нее и так, без тебя, много голодных ртов, которые просят есть. Но ты у меня будешь джигитом. Запомни.

Подписка на другой день оказалась на своем месте в книжном стеллаже.

Вика, как никто другой, умела разговорить и выслушать Жоржа. Кокетка увидела в нем родственную душу: она с детства увлекалась рисованием. Отдавая дань тому увлечению, девушка, стремилась извлечь и академических знаний у преданного поклонника. Ее практичный ум подсказывал, это может пригодиться в работе в конструкторском отделе института отца. Однако залившимся смехом отвечала на слишком серьезные его объяснения: умела найти забавный подтекст в них. Поэтому развлекала и привлекала внимание других в комнате. Больше всех любил слушать их Ваньч, который обнаружил в «серебристом голоске» Вики нотки, близкие душе простого человека.

Типичный инженер работал, как все, по принципу: «каков оклад – такова и отдача». Но был очень конструктивен в доставании дефицита в продуктовых магазинах, а также вещей и одежды в универмагах и комиссионных магазинах. С соседями он был вежлив, корректен, избегал всякого рода скандалов, но держался «на расстоянии». Дома пил свое пиво или вино, о чем-то рассуждал сам с собой. Если до него доносился смех Вики, он подходил к уголку «парочки» и садился на пол со своими разговорами. Однажды они вызвали не ту реакцию, которую ожидал:

– Пойми нас тоже, – обиженно пропела Вика, – мы вовсе не неблагодарные, а просто равнодушные. Да, у тебя доброе сердце и мама с тобой другая, не то, что прежде: выдержанная, не срывается, как при отце. Но понимаешь, мы стали черствыми после их скандалов, как черствый хлеб. Все видели своими глазами, переживали за их любовь и страсть. Никто не виноват – это судьба. Но запах родного отца не заменит ничто. Даже деньги.

– Слушай, – запальчиво вмешался Жорж, – я сам испытал на себе, как жить с чужой мачехой. Никогда не вернусь к ней, даже если попросит мой дядя, – очень хороший человек, но под сапогом жены. Некогда ему было защищать меня, потому что всегда пропадал на своей

ответственной работе. Спасибо ему за то, что хотя бы вовремя догадался пристроить меня в школу для одаренных детей при Строгановке. Если бы не общага, все равно бы сбежал от них. Сейчас живу в кайф, о прошлом не вспоминаю, как бы ты не пытался напоминать о дяде своими речами. Не интересно, у нас своя Альма-матер, живем ее капризами, но не жалуемся. Вон, Фред, свидетель: в нашем курятнике хватает всяких птиц. Терпим – никуда от них не деться. Они – свои...

– Вот именно, – в разговор нетерпеливо вмешалась Грета, бросая возмущенные взгляды на Ваныча, – прошлой ночью ты спал или прикидывался, не знаю. Не хотел подняться помочь уложить Фреда: он был в таком ужасном виде, бледный, как сама смерть, рубашка, пальто нараспашку, но с гордо поднятой головой. Это – в два часа ночи. Представляете, в раскачку, немного пьян, нашел постель и бум в нее, в чем был. Встала, хотела хотя бы снять с него туфли. Что вы? Ни в какую. Лягнул так, что отскочила. Зову мужа, а он спит, не слышит. Вот как: чужому плевать, только мать все стерпит. Сейчас-то вспомнил?

В подтверждение своих слов, Грета легко соскочила со стула и шатаясь, заплетающимися шажками, принялась изображать походку Фреда ночью. Быстро вошла во вкус и, приблизившись к незадачливому мужу, выхватила из его рук стакан с недопитым вином и провела им перед его носом. В тот же миг со своих мест соскочили Вика с Лорой и, образовав кружок вокруг растерянного отчима, начали с матерью изображать пьяного брата. В финале чокнулись кулачками и с наигранным испугом спросили, нет ли дружинников. Вика, вдруг прижавшись к матери, как к фонарному столбу, пропела сладким голоском: «О, братцы, классно оттянулись сегодня».

Софья Марковна, приятельница и постоянная заказчица у портнихи Греты, между смехом и приступами кашля заученно кричала: «Ой, граждане, держите меня! Цирк, и только, у этих артистов. Можно умереть от смеха.» При этом сильнее прижималась опухшей от рожистого воспаления ногой к худощавой голени Ваныча. А он, будто щенок, которого отчитали за шалость, и не пытался сопротивляться. Сидел без движения, как на суде, ожидая своей участи. Когда улеглось общее возбуждение, Грета умиротворенно заявила:

– Тоже мне – воспитатель. Да, конечно, правильно наставляешь детей скромности и уважению. Даже я стала с тобой сдержанней. Хорошо, избавил от многих хлопот, а дальше что? Надо, да не умеешь, вызвать ответные чувства. Тебя раздражает невежливость Роба, такой нервный. Будет тебе известно, он с рождения такой. Отец постоянно скандалил, ревновал по пустякам. Не стеснялся детей. Изранил душу ребенка, пришлось лечить у психиатра. Одно время Роб так ожесточился, что сбежал из дому с приятелем. Двое суток их искала милиция. Спасибо добрым людям: нашли, накормили и убедили вернуться. А чем питались, так и не сказали. Потом, спасибо скажу дяде Самуилу за то, что пристроил сыночка в Дом Кино, иначе не знаю, что случилось бы: ведь он связался с дворовыми хулиганами, а дома – прямо Робин Гуд.

Она старательно вытерла слезу краем носового платочка, а другим – пот со лба бледного Ваныча, добавила:

– А каков финал? Представить себе трудно, клянусь честью. В настоящее время Роб работает не где-нибудь, а на знаменитой киностудии Мосфильм. Ему без конца звонят оттуда. Судите сами: нужен и просят – значит совсем неплохо у него получается...

Ее речь оборвалась из-за внезапного появления нового гостя. Без стука в комнату вошел деловитого вида молодой человек в беретке, плотно надвинутой на низкий лоб. Серые глазки плутовато осмотрели всех и успокоились, не найдя кого-то.

– А вот, кстати, и Боб, приятель и коллега Роба по работе. Привет, дружище, легок ты на помине. Что нового у вас на Мосфильме?

Но тот не спешил с ответом: стоял и о чем-то думал.

Паузой воспользовался Ваныч, чтобы скрасить неприятное впечатление после спектакля, разыгранного над ним:

– Боб оказывал протекцию Робу во дворе, а вот недавно помог устроиться к нему осветителем в Студию Мосфильма, – с готовностью объяснил он, – обучает ремеслу, как настоящий друг. Как не быть благодарным ему за все хорошее.

Однако Боб, не проронив ни слова в ответ на похвалу, еще раз окинул острым мышинным взглядом компанию и исчез с кислой миной на лице. Вениамин Крысин по кличке Боб, невысокий, рано полысевший блондин, родился в семье слесаря Николая Крысина и крановщицы Клавдии Петровны, работавшей на том же заводе и тоже посменно. Не часто бывая вместе, у главы семьи была возможность провести в жизнь его идею о воспитании детей. Она заключалась в том, что им была предоставлена свобода самим решать свои проблемы до определенного возраста: окончания классов начальной школы. Дальнейшее образование должно было происходить у рабочего станка, где сделанный труд оплачивался лучше, чем у стола с бумагами. Также был стимул для повышения квалификации и освоения профессии. В связи с этой установкой отца, три старшие дочери, одна за другой, пришли к фабричной проходной осваивать специальность «без отрыва от производства». Их младший брат с трудом дотянул до четвертого класса и, связавшись с компанией дворовых авторитетов, несмотря на призывы отца, начал «преуспевать» в их уголовных делах. Таким образом, в свои неполные тринадцать был судим и отсидел год в колонии для несовершеннолетних.

После освобождения жизненный путь Вениамина Крысина сбивался в разные направления, только не к заводской проходной. На временных работах он долго не задерживался, занимался распродажей краденных вещей, которые скупал за дешево у воров, а потом с выгодой продавал на рынке, базарчиках и просто так, где было много людей. Постепенно преуспел в этом бизнесе. Однажды в электричке Боб перепродал старинный дорогой кокошник пассажиру. Сделка устроила обоих, и они разговорились. Узнав, что торговец ищет какую-нибудь работу, которая избавила бы его от общения с милицией по поводу тунеядства, тот предложил обратиться в дирекцию Мосфильма. Там проводился в то время набор для участия в массовых сценах нового художественного кинофильма. Боба заинтересовала так называемая массовка с точки зрения наводчика для совершения квартирных краж у тех, к кому сумел бы влезть в доверие. Он охотно принял предложение, а случайный попутчик даже обещал позвонить знакомому со связями.

При отборе кандидатов Боб вел себя непринужденно, уверенно и был принят в число участников съемки. В процессе общения с персонажами киноленты любознательный наводчик нашел более выгодный, чем кражи, путь для обогащения. Артисты, режиссеры и сценаристы по роду профессии нередко выезжали в заграничные командировки и привозили оттуда дефицитные вещи, в основном, на продажу для пополнения скромного в то время семейного бюджета. Знаток «черного рынка» сразу понял, что попал в нужное место. Он завязал деловые и приятельские отношения с клиентами, вернувшимися оттуда, и перепродавал товар с выгодой для них и для себя. Вскоре Боб получил штатную должность осветителя на Студии. Работа нравилась ему тем, что всякими световыми эффектами можно воздействовать в нужном направлении на психику кинозрителя; по его любимому выражению, «вешать лапшу на уши клиенту и доить». Его просьба дать ему в сменщики старого приятеля была без каких-либо вопросов удовлетворена.

С первым появлением Роба на площадке Студии, где снимался очередной эпизод киноленты, он навсегда забыл, что такое школа. Матери было прямо заявлено: семилетнее образование его вполне устраивает, чтобы приступить к индивидуальному творческому труду на киностудии, как воплощению его детской мечты. Отец пробовал возразить, сослался на пример брата Фреда с аттестатом десятилетки в кармане, а также, что для ВГИКа тоже нужно полное

среднее. Однако вызвал только гнев на себя. Супруга затем поставила конец всем сомнениям словами:

– Что ты хочешь, мучитель! Мальчик с детства бредил кино, а какие устраивал сцены с нами. Целый спектакль. Рыдали и смеялись от его фантазий! Кроме тебя. Он вечно занят, работа. Ему всегда есть что сказать. Лучше молчи и не мешай. Увидим, кто еще прав.

Прошло время и подтвердило ее правоту: Роб действительно не только освоил профессию осветителя, но и быстро обучился операторскому искусству. Начинать с работы на должности помощника оператора, но скоро стал делать самостоятельные работы. Время меняло и саму Грету: мятежной душе стал тесен мирок Ванюча, а семейные рамки показались слишком навязчивыми. Особенно ее раздражали его беседы с Викой и Жоржем, сентиментальные разговоры о счастье, как о любви, которую нельзя купить за деньги, сколько бы их не было у богатого жениха.

Она видела, как увлажнились глаза дочери слезой радости от тех слов. И переживала. В начале Грета старалась высмеять простодушие мужа, вмешивалась и заставляла говорить о другом. Когда же это не действовало, стала устраивать скандалы Ванючу, чтобы не повторял подобные речи. А дочери прямо заявила, еще рано думать о замужестве при таком успехе в среде молодежи из состоятельных семей. В общем, давала понять, что Жорж – вовсе не партия для замужества, а художник, как другие профессии из области культуры, которые не обеспечивают жену и семью всем необходимым.

Однажды произошло то, что никак не входило в ее планы. Вернувшись поздно ночью с дружеской тусовки, Вика неровными шагами поднялась на свой этаж и вздрогнула от неожиданности. На подоконнике лестничной площадки сидел, изогнувшись, Жорж. Как верный пес, он преданно засветился улыбкой, увидев ее, и бросился к ней. Не в силах контролировать тело, отяжелевшее после съеденного и выпитого, она качнулась в сторону и упала бы, если бы не вовремя подставленные руки друга. Он аккуратно и осторожно пододвинул ее к подоконнику, но не отпустил: ощущал, насколько нетвердо она стояла. «Ой, кружится голова», – пролепетала Вика. Тогда Жорж, набравшись храбрости, поднял и посадил ее на деревянную плиту подоконника. Она благодарно вздохнула, а он в ответ начал преданно целовать ее руки. В тот же момент, по какому-то наитию, она безвольно наклонилась к нему и прошептала: «Я – твоя. Бери меня, иначе – возненавижу». Их губы слились в долгом поцелуе, а тела сомкнулись жарко друг в друге. Ложе подоконника показалось им мягче и слаще перины до самого утра.

Последующие события заставили мать предпринять решительные меры. Она сразу заметила резкое изменение в поведении дочери: та грубила, ссылаясь на недомогание, головную боль, когда ее звали отвечать на телефонные звонки. Короче, с неохотой принимала и разговаривала с гостями и даже друзьями, но сразу превращалась в веселую и озорную подружку, когда приходил Жорж, затем уходила с ним в палисадник дома для каких-то их разговоров. В дневнике соседки Ньюши, найденным Иосифом, была следующая запись, многое сказавшая ему: «Намедни ейна дочка погнала ухажеров, шо дымят сигарой, хошь топор вешай. Угореть можно в коридоре от смрада. Дак поделом им. А Жорика, шо малюет и делает всякое добро обществу, потчует. И нам значится в прибыль. Не зря сыновья нерусской вражины называют его докой. Спрошу у Анিকেича, чтобы это значило?»

Когда Роб, войдя домой, шутливо бросил: «Воркуют, как голубки», – мать сразу поняла, о ком идет речь. Она послала Ванюча привести дочь с Жоржем и как только Вика раздраженно ответила ей: «Счастье – дороже денег», устроила всем скандал. Ванючу пришлось совсем уехать, вернуться в свой подмосковный дом, где проживал до того с семьей брата; с дочерью состоялся у нее серьезный разговор с последствиями. Вика, повзрослевшая и решительная, заявила родительнице, прошли те времен, когда она с сестрой зашивала платица куклам и подпевала под аккомпанемент ее швейной машинки: «а сюда карманчики, чтоб любили мальчики». Она вполне самостоятельна, чтобы выбирать, с кем ей быть. И постарается избе-

жать тупики в отношениях с мужчинами, в которые не раз попадала мама. Та, еще надеясь переубедить любимую дочь, пошла на хитрость – откровенность во всем!

– Доца, даже если у тебя самый сердечный дружок, не торопись с выводами. Не отказывай тому, кто до него одаривал тебя подарками. Не убудет тебя, если встречаться не с одним поклонником. Запомни, женской ласки хватит на всех, еще останется. Время летит быстро и вот уже нет кого-то, а подарочек-то остался; будет, что вспомнить потом. Помни, услужить даме – честь настоящему мужчине. Принимай таких с достоинством, а безгрошовых гони. Только вонь от них козлиная, любил говорить твой папаша. Да! Хоть и жила с ним в законе, но у меня и при нем были поклонники, богаче и здоровее. Но клянусь честью, если бы не этот кооператив его, терпела бы. Пусть импотента, но свой, родной. Ах, что ни делается – все к лучшему.

Однако, узнав о беременности дочери, Грета собрала семейный совет и потребовала от Вики сделать аборт, либо искать себе новое жилье. Компромисса найти не удалось, молодые объявили о предстоящем браке, в связи с чем занялись поиском арендованной квартиры. В тот же день она прогнала Ваньча и подала на развод.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Оказавшись в сложной ситуации, Вика с Жоржем сидели в палисаднике дома и обсуждали варианты съемного жилья из реклам. Внезапно перед ними возникла, как привидение худощавая фигура соседки Ньюши, протягивавшей крючковатыми пальцами связку ключей.

– Вот, держите от мужниной каптерки. Поживите, покуда некуда деться. Апосля видно будет. Куды приятней, нежели ничего.

Ее умерший несколько лет тому назад муж Никифор называл каптеркой, по-армейски, служебную комнату, двенадцатиметровую жилую площадь со всеми удобствами в котельной, обслуживавшей ближайший район домов отоплением и горячей водой. В связи с переходом на централизованное отопление ТЭЦ, надобность в ней отпала. О ней забыли местные руководящие обломовы, исходили из известной российской привычки: ждать пока сама развалится или сторит. Короче, кирпичное, приземистое здание стояло заброшенным и закрытым на ключ последний раз еще Никифором, истопником и дворником по совместительству. Стекло решетчатого окна его дежурки было разбито мячом мальчишек, но никто не пришел, не снял металлическую раму, чтобы вставить новое стекло. Никто не интересовался и ключами от здания, которые хранились невостребованными у Ньюши, Анастасии Гай по мужу.

На радостях Жорж вскочил, вырвал у нее ключи и хотел обнять добрую женщину за бесценный подарок. Но костлявая рука уперлась ему в грудь;

– Ничаво, не стоит благодарностей. Все равно скоро туточки будут строить, снесут усе. Да, покуда, чуточки еще поживете малость. И то – хлеб. Я к тому даю, шо помню хорошее от тебя опчеству, для нашей квартиры, хоть ты и решил породниться с энтами раскулаченными нерусскими.

Во времена коллективизации Анастасия Зонина вместе с приятелем, Никифором Гаем, вернувшимся со службы в армии, отправилась на поиск счастливой жизни для них в Москву. В обнищавшей их деревне Тверской губернии не было ни работы, ни хлеба. Их приютила на первое время землячка, тетка по матери Никифора, Фрося, жившая во флигеле для прислуги при большом частном кирпичном доме, бывшее когда-то поместье царского вельможи с прилегающим парком и конюшнями. Она уже много лет работала кухаркой в семье раввина Московской синагоги Абрахама Цимера, занимавшей весь второй этаж здания со стороны первого подъезда, Всего их было два.

Скоро Никифора приняли на работу постовым милиционером, туда же устроилась уборщицей и дежурной на вешалке Ньюша Гай, его жена. Им повезло: «раскулачивание», начавшееся в деревне, пришло и в город, в виде «изъятия излишней площади у богатой буржуазии и прикнувшим к ним отщепенцам из горожан». В число последних попала семья Цимера. Религиозный деятель вместе с женой и тремя взрослыми дочерьми был репрессирован и отправлен в Сибирь на поселение. Двоих же его младших сыновей, Самуила и Давида, благодаря хлопотам тети Хазан, активной участницы революционных событий на Украине, удалось оставить на ее попечение, с сохранением для них прописки по названному адресу, в той же квартире, ставшей коммунальной для шести вселившихся семей. В их число вошла и семейная пара Гай, занявшую хозяйственную, уже бывшую, кладовую при кухне. Она была отделена гипсовыми стенами от нее и снабжена окном. Записи в Дневнике Ньюши начались с того времени.

Судя по ним, она занималась активным разоблачением «врагов народа» на службе у некоего Аникеича, имя которого часто встречалось в ее записях; после смерти мужа этот человек оказал ей покровительство, разрешив московскую прописку ее старшей сестре, Матрене Зониной, колхозной скотнице. «По инвалидности и отсутствию других родственников», – как было записано в документе Мосгорисполкома. «Тихая» Маня, так называли ее соседи, была полной противоположностью энергичной сестре, члену партии с тридцать второго года.

Однажды вселившись в жилище Никифора, Жорж горел желанием облагородить дареную, пусть на время, собственную квартиру. С помощью дяди Ашота, пытавшегося убедить его не торопиться с обустройством жилья, что со временем купит ему кооперативную квартиру, племянник высокого советского сановника добился своего. Получил необходимые материалы и помощников из «конторы» дяди и отделал заново «дежурку» в очень приличную квартиру в нечто похожее на бунгало с террасой на месте деревянного сарая для угля и дров. Она служила ему мастерской какое-то время и гостиной для друзей и новых знакомых.

Наступило время массовой застройки новыми жилыми массивами пригородных районов вокруг Москвы. Оно происходило быстрыми индустриальными методами на месте деревень, поселков, жителей которых едва ли не в пожарном порядке заставляли переселяться из обжитых привычных мест в бетонные блоки домов, сдавая по бросовой цене государству с трудом нажитый скот, птицу, свой возделанный участок земли, к которому человек прирастал всем своим существом за годы работы в нем. В те же дома получали ключи от квартир другая категория населения, – горожане, жившие до того долгое время в дощатых бараках, подвалах, в других антисанитарных условиях большого города. Для них, первой волны «счастливиц», эти малогабаритные отдельные квартиры казались подарком судьбы, несмотря на полное отсутствие инфраструктуры, к которой привыкли в центре и ближайших окраинах города. Спасала привычка русского человека терпеть трудности.

Последней из подвала дома, где на втором этаже проживали Цимеры, выезжала семья приятеля Фреда, Славика. Тот, прощаясь, по-дружески передал «студенту» ключи от подвала со словами: «не теряйся, займи его и живи в свое удовольствие, пока не сломают когда-нибудь». Идея понравилась, особенно, после того как поделился ею с братом. Роб сразу цинично завил: «зачем добру валяться под ногами. Теперь оно ничейное». Оба затем поговорили с матерью, ей тоже понравилась идея Фреда: очень заманчивой показалась возможность расселиться и жить по-своему, после тесноты на площади менее пяти квадратных метров на человека. Грета привычно посоветовалась, прежде всего, с деверем Самуилом. Только после того как он подтвердил, что самовольное вселение было бы незаконным, если предварительно не договориться с участковыми милиционерами и техником-смотрителем на определенных условиях, при этом, твердо обещать жить с соблюдением норм пожарной безопасности и общественного порядка, она решилась. У нее были давние хорошие отношения с участковым оперуполномоченным Николаем Сивухой, знала она о слабостях и техника-смотрителя.

На следующий день она встретилась с ним, завела такой разговор:

– Слушай, Николай, такая просьба лично от меня. Это только между нами и никто другой. Понятно?

– Что еще, говори, не стесняйся, буду нем как могила, – пошутил он.

– На днях освободился наш подвал, позволь моим ребятам пожить хотя бы временно там. Обещаю, порядок будет полный, без шума, сборищ. Ребята обещали соблюдать чистоту и технику безопасности, особенно, следить, чтобы никакого пожара. Сама прослежу.

– Так оно так, дак мне строго приказано, чтобы никто самолично не вселился. Так что ходим и проверяем замки, вставили новые решетки на окнах, поставили еще пару огнетушителей по указанию высокого начальства. Дом-то на слом, скоро всех выселяют. Подожди чуток, получишь новую квартирку. На новоселье-то позовешь?

– Ты что, еще шутишь над бедной, несчастной женщиной? – вскипела от негодования Грета, – придурок! Мне сейчас жить и любить хочется, а не ждать, когда рак на горе свистнет – снесут это гнилье. Ты понял? За услугу будет и тебе моя услуга, не пожалеешь.

– А ежели твои ребята устроят балаган с соседями, опять же ненароком подожгут чего, мне потом отвечать. Тогда как быть, суди сама...

– Ежели да кабы, – перебила его она, – клянусь своим здоровьем, не допущу этого. Сказала же тебе, сама буду следить за сыновьями, чтобы никакого безобразия и в помине. Обь-

яснила им, трухлявые здесь все: надо быть особо осторожным с огнем. Что еще ты хочешь от меня, непонятливый?

– Коли так, будь по-твоему: дам ключи. Но не взыщи – буду проверять, – добавил Николай, кладя руку на ее плечо, – зайди ко мне завтра в три. Там и поладим по-соседски, согласна?

– Приду, шалун, – ответила кокетливо скинув его руку.

На следующий день Грета вместе со старшим лейтенантов Сивухой вручила ключи от подвала старшему сыну Фреду. При этом, изобразила строгость на лице, сказала обоим сыновьям, искоса поглядывая на Сивуху:

– Предупреждаю при милиционере еще раз: живите здесь тихо сами и не беспокойте соседей. Пеняйте на себя, если случится что: каждый получит наказание. Одним штрафом не отделаться. Дело серьезное, не подведите нашего оперуполномоченного; очень хороший человек сделал вам такую большую услугу по моей просьбе. Отнеситесь ответственно к проявленному им доверию. Живите самостоятельно, но соблюдайте порядок ради самих себя. Понимаете меня? Ее глаз многозначительно замер на лице Фреда и тот ответил:

– О чем Вы, маман, товарищ милиционер, мы с братом понимаем. Законопослушные служители искусства, а не какая-то там уличная шпана. Наша Богема не позволит извращения общественного порядка, профессия – тоже. Строго следуем ей, не до пошлых намерений уличных хулиганов. Это подвальное, жалкое жилище послужит нам сценой для раскрытия творческого потенциала в ежедневных упражнениях, прежде чем нести его в народ, нашему зрителю. Клянусь честью, только благое желание просвещать его, движет нами. Короче, на этих мрачных площадях я стану репетировать, как сценический артист, свои роли классического и современного репертуара; а брат, – оператор на студии Мосфильм, на этой площадке опробует различные варианты его замысла к новой киноленте, прежде чем представить на просмотр режиссеру и сценаристу...

Перехватив восторженный взгляд Николая Сивухи, Грета церемонно прервала сына, подмигнув ему глазом:

– Как видите, товарищ старший лейтенант, мои сыновья своим вселением только украсят это жалкое жилище и никакого беспокойства вообще не может быть в принципе. Понимаете? Клянусь честью, ради успеха их творческих начинаний, стоит выпить прямо сейчас.

На кухонном столе, оставленном прежним хозяином, они разлили и выпили Шампанское; потом говорили другие умные речи, от которых сердце оперуполномоченного Сивухи окончательно растаяло и с понимающим видом он важно произнес:

– Да, вижу, Вы – грамотные ребята. У вас все, как полагается. Не сомневаюсь, устроитесь в лучшем виде, также будете вести себя. Не худо будет и вашей мамочке пожить для себя, забыть о тесноте на освободившейся после вашего ухода площади. У нее есть полное право на это: воспитала таких славных сыновей. Пью за эту прекрасную женщину!

Следующую неделю вся семья занималась уборкой и приведением в порядок помещений подвала, обновлением сантехнических устройств, электро- и водоснабжения. Затем братья взялись с помощью Жоржа обустроить их комнаты согласно предпочтению будущих деятелей культуры. Художник украсил стены комнаты Роба рисунками из эпизодов популярных киногероев и расположил оригинальные светильники из пластика таким образом, чтобы они обеспечивали освещение их в течение суток с потолка и над дверью. На ее внутренней стороне Жорж изобразил кинооператора в беретке, очень похожего на хозяина комнаты, в тот момент, когда он направил свою камеру в центр комнаты. Правда, снимать, кроме рисунков, было нечего: мебель была более чем скромная. Обычный, не новый, платяной шкаф, одностворчатый, такой же диван, пластиковый стол со стульями, на скатерти которого Элизабет Тейлор в откровенной позе предлагала себя зрителю.

Роб первым справил новоселье, заранее разослал приглашения гостям, к их приходу усилиями семейного клана было готово все: от музыкального сопровождения, танцев в празд-

нично-оформленном коридоре, до необходимого качества стульев и столов. На кухне из свободной комнаты в готовом виде были сложены продукты, вино и пр. Он даже проиграл заранее варианты развлечений, потому что задумал веселье на всю ночь. Когда же перед самым началом праздника оказалось на три «симпатяжки» больше, он не растерялся, обрадовался своей популярности: принял и их. Однако, будучи занят неизбежными в таких случаях разными делами, попросил Лору, менее других загруженную в этот день приготовлением к приему гостей, сделать дополнительную покупку продуктов. Отказать брату она не могла и с листком, врученным ей матерью, направилась в магазин.

После того как хозяйственная сумка наполнилась заказом Лора поняла, что не сможет донести такой вес до дома, такой показался он тяжелым. Она стояла на улице и ждала, что какой-то прохожий сжалится и поможет ей: всегда находился кто-то, кто делал такую услугу. Но в этот предвечерний час редкие мужчины спешили мимо, не обращая внимания на одинокую фигурку девушки с сумкой. От отчаяния Лора была уже готова тащить волоком свою ношу до дома, но нут прямо перед ней возник возвращавшийся с работы наш герой. Наткнувшись на сумку, Иосиф мрачновато поднял глаза и увидел ту, которая не пришла на свидание, которую однако, не забыл. Он сразу изменился в лице и радостно воскликнул: «Ба, какая удача! Наконец, встретились. Как поживаешь, обманщица? Сколько времени прошло, а я помню имя – Лора. Вот». Она смотрела, с трудом вспоминая его имя, и не знала – радоваться или нет. Время шло и там давно ждут: надо было решаться. Практицизм победил: пусть донесет, а там разберемся. Сделав вид, что признает знакомого, усталой улыбкой, она многозначительно взглянула на сумку. Немедленно поняв ее знак, он бесцеремонно сказал:

– Ясно, такой груз – не для миниатюрной фигурки. Давай помогу донести. Куда?!

В знак согласия Лора качнула головой и показала молча рукой направление, слегка коснувшись его локтя. От этого прикосновения у него сразу поднялось настроение, он стал говорлив, сердце переполнилось нежностью, как в первый день их знакомства. Подходя к подъезду ее дома, он уже знал все о новоселье ее брата и какой жертвой было для нее услужить ему в этот день. Но у дверей подъезда ее тон резко изменился: Лора повелительно сказала: «Все, хватит! Дальше я сама. Прощайте!» Растерянный, он поставил сумку на землю и собирался уйти, но задержался, невнятно попросив номер ее домашнего телефона. В этот момент из полутьмы раскрытых створок дверей вынесло розово-голубым облаком красивую женщину неопределенных лет, но вполне развитых пропорций. Обдав запахом дорогих духов, она кокетливо поправила складки открытого сарафана и величаво сказала:

– Наконец, пришла! Сколько можно ждать? А это кто? Кавалер, доца? Ну и ну. Грета Марковна – мама, рада, – и протянув ему руку, добавила, – помогите мне на ступеньках, каблучки, – бросила мгновенный взгляд на изящные модные туфельки на высоком каблучке.

«Это шанс», – мелькнуло у Иосифа в голове и, галантно подхватив ее пальцы, повел даму вниз по лестнице, чуть впереди.

Сзади раздался неуверенный голос Лоры: «Нет, мам, знакомый». Однако ее запоздалая реплика осталась без внимания. Поправив свободной рукой пучок густых волос, блондинка лишь строго заметила: «Иди за нами. За сумкой пошлю другого». Для Иосифа эти слова пролились бальзамом на сердце.

Появление тройцы сразу привлекло все взоры в их сторону, некоторые поспешили подойти и обменяться любезностями с его дамой. Роб, который тут же занес сумку, которую показала ему Лора, некоторое время молча с подозрением осматривал еще одного гостя.

– Смотри, сынок, вдруг обратилась к нему мать, – как похож этот знакомый Лоры на вашего дедушку в молодости, земля ему пухом. Я так удивилась, как увидела, – и, бесцеремонно подведя гостя ближе к боковому светильнику, повернула его, то в одну, то в другую сторону. Иосифу, как манекену, пришлось следовать движениям ее рук, в то время как гости, кто

с любопытством, кто с насмешкой, наблюдали этот неожиданный экспромт. Но тут не выдержал хозяин вечера и басовито с ехидством вмешался:

– Мой приятель, Вася-водопроводчик, любит повторять – я промываю для профилактики трубы раствором, чтобы не гнили, а свой кишечник – водкой, чтобы не завелась всякая гниль и живность. Мой дед был спец по-другому: молитвой промывал мозги своим прихожанам, а для крепости, добавлял шабатное вино. А может, еще что-то покрепче. Интересно, какой бузой промывает мои мозги этот гость, похожий на деда.

Раздался дружный смех и быстро смолк в нетерпеливом ожидании ответа. Поняв, что от него ждут, Иосиф в тон ему отшутился:

– Разумеется, я очень польщен, что выгляжу похожим на такого достойного человека, как ваш дедушка. Спасибо, только я совсем из другой оперы: не верю в сказки. Но верю в судьбу. Встретив однажды девушку и потеряв не по своей вине, верил, что когда-нибудь пересекутся наши пути. Так и произошло сегодня: столкнулись самым прозаическим образом у продуктового магазина, чуть ли ненароком не опрокинул ее сумку на тротуаре. А хозяйкой оказалась она, которую не мог забыть Дальше совсем по-житейски: помог отнести сумку. Если бы не вмешательство ее мамы, ушел бы и без номера домашнего телефона. Потому что уже точно встретились бы через раз, другой В этот раз прошу прощения за несвоевременное появление, до свидания.

– Нет-нет, позвольте, – решительно вступила Грета, – я действительно, благодарна ему, что помог спуститься по крутой лестнице на высоких каблуках. Знаете, что: дело сделано и приличный человек. Почему бы нет. Как считаешь, сына?

– А я как? – ехидно передразнил Роб, – пусть. Жрачки хватит на всех, а вот водяры, не знаю. Как думаешь, Боб?

– Что я, коллега, решай сам, – неохотно ответил тот и окинул быстрым взглядом Иосифа с головы до ног, – вообще-то халява – не в наших краях.

Новый гость ответил ему тем же взглядом и уверенно произнес:

– Нет, зачем? Я готов на штрафные, если согласны на еще одного клиента.

– Дорого обойдется, не пожалеешь? – съязвил Роб.

– Что за разговоры? – возмутилась Грета Марковна, – прекратить. Никаких денег не надо, вознаградиться тебе и без них...

– Не волнуйтесь, – прервал ее Иосиф, – мы знаем порядок. Не обнищаю, за сегодняшний подарок судьбы стоит платить. Он достал бумажник и вынул оттуда купюру, часть авторского гонорара, полученного в кассе редакции, тут же протянул ее Робу. Тот внимательно осмотрел казначейский билет и, не удержавшись, крикнул сестре: «А молодец-то твой, при деньгах, сеструха!» Затем подозвал к себе товарища, сидевшего за столом, и авторитетно заявил:

– Слушай, Эдик, вот башли нашего приятеля... э, как звать-то? – в сторону сестры.

– Иосиф, – громко откликнулась она, усаживаясь на свободное место рядом с кудрявым красавцем.

– Ну да, Иосиф, – повторил Роб, – а как будет по-нашенски? – добавил в сторону «коллеги» Боба. Тот с прежней неохотой отозвался на блатном жаргоне, – кликуха ему Фукс; потому как фуксом взял базар.

– Во! – охотно подтвердил Роб, – везунчик, однако. Считаю – свой в доску, если есть прозвище. Отлично, – и в сторону Эдика:

– Бери сейчас денежку Фукса и дуй в магазин за спиртным. На все. Гулять, так гулять, братва! Как я, а?! – В ответ прозвучал гул гласных голосов; под их нестройный хор хозяин обратился к брюнету, сидевшему рядом с Лорой и что-то с ней горячо обсуждавшему:

– Эй, Димыч, дружок, подь сюда! Сядешь рядом с нами. Мы не меньше кавказцев разбираемся, как обходиться с гостем. Пусть сядет рядом с сестрой, раз привела его с собой. Помнишь, как пускал тебя перед собой в школьном буфете за половинку бублика? Ха-ха!

Стройный блондин без единого слова поднялся и перешел на другой край плотно сдвинутых пластиковых столов. Иосиф поблагодарил обоих и с легким сердцем сел рядом с той, о которой столько передумал. В радостном приливе энергии, он не умолкал. Что-то рассказывал, пил после тостов и ел, при этом успевал кому-то налить или предложить закуску. Ее плечо касалось его, оно, как заряд энергии, заполняло его всего и вызывало в памяти все новые сюжеты, анекдоты. Он был впервые в этой компании, но прекрасно понимал, как общаться с ними. Ему отвечали взаимностью, а Лора, с готовностью принимала его знаки внимания. «У нее, однако, неплохой аппетит, – педантично отметил себе по-соседски, – удивительно при такой идеальной фигурке». На пике веселья, когда все казалось таким доступным и обаятельным от бесконечных шуток и приветливых глаз, поднялся Фред и со своего места торжественно подошел к стойке с магнитофоном. Затем обещающе произнес во весь голос: «Прошу тишины! Переходим ко второй части нашей программы – танцам, – и чуть заплетаясь добавил, – диджеем будет Роб, а остальные пусть найдут себе партнершу или партнера. Обстановка у нас интим, позволено все».

Немедленно затрещали стулья и загремели сдвигаемые столы: все устремились со своих мест на импровизированную танцевальную площадку в виде коридора и трех комнат с настежь открытыми дверями.

Под звуки фокстрота Иосиф понесся с Лорой, по наитию успевая за капризными движениями ее ног, тела, головы; сливался с ней телами, когда продвигались сквозь тесную стену других пар, тоже совершавших какие-то невероятные па, от которых кружилась голова.

Полновластный распорядитель вечера, Роб, стоял вместе с подружкой Лизой и поддерживал неистовую толпу «плясунов», так презрительно называл любителей танцев, потому, что сам был равнодушен к ним, криками и свистом. Когда и этого было мало, сам отбивал «цыганочку». Однажды от усердия чуть не упал, если бы вовремя не подхватила его из «крутого пике» Лиза, помогавшая ему с заменой записей, а попутно следившая за его вертикальным положением в момент смены кассет. Фред, хозяин магнитофона, строго наказал ей быть начеку, чтобы ничего не случилось с его дорогим инструментом.

Когда она громко объявила: «Мазурка», – вопреки ее ожиданию, танцующих словно сдуло с танцевального «пяточка»: кто-то устал, а кому-то польский народный танец показался неподходящим для выкидывания фортелей ногами. Задержалась лишь одна пара – Иосиф с Лорой! Ему вспомнилась та мазурка, которую он исполнял в составе хореографической группы мальчиков городского дворца пионеров. В частности, с этим полюбившимся ему характерным танцем они выступали на различных площадках и сценах города, а также в гастрольных поездках. Конечно, он хотел блеснуть своим искусством перед ней и уговорил ее, не зная, что она тоже знакома с мазуркой по занятиям спортивными танцами на льду на стадионе юных пионеров.

С первыми аккордами музыки Иосиф сделал перед ней сложный реверанс приглашения шляхтича. Дама изобразила согласное удивление и сделала легкий поклон головы навстречу. Затем взяла предложенную ей правую руку и оба осанисто с прискоками прошлись кругами. По мере нарастания темпа они перешли к исполнению сложных пируэтов, предлагавшихся кавалером и получавших одобрение поворотами, кругами и движениями партнерши. Короче, она умело повела женскую партию и вовремя выходила с ним на повторные подскоки кругами, приседания и поклоны вновь. Их несло в едином порыве наслаждения, которое возможно испытать только в танце. Они забыли обо всем, кроме его красоты: «Еще-еще», жадно шептала она, следуя ему. С последним музыкальным аккордом Лора прижалась к нему, не желая расстаться и застыла в приливе вдохновения, пока громкие хлопки со всех сторон не заставили разжать объятия и вернуться на землю.

На них смотрели с восхищением, обмениваясь впечатлением. После нескольких реплик к ним подошел Фред и голосом телеведущего сказал, обняв обоих:

– Да, братцы-сестрица – это было что-то: класс. Удивили, клянусь честью. Не только меня. Смотрите, какие взгляды на вас. Чудо. Это – искусство. Будто побывал на балу польского воеводы. Отныне – ваш поклонник, можете рассчитывать на меня. О, брательник тоже!

– Ха, вот это пара, стоящие плясуны, – говорил подошедший с Лизой Роб, – ну, дали шороху, молодцы. Раззадорили как надо наших гостей, меня тоже. Да, Лиз? Во, – так; кивает.

Она перебила его, прикрыв рот и заговорила скороговоркой, будто боясь, что перебьют ее речь:

– Ой, ребята, какие вы молодцы! Честно скажу, никогда не видела, чтобы так сплясали. Будто натренированная пара артистов. Вы очень подходите друг другу. Знаете что, приходите к нам в подвальчик, хоть завтра вечером. Ближе познакомимся и все такое. Хорошо? Как, Роб? Что молчишь?.. – нетерпеливо толкнула его локтем в бок.

– Что, есть резон ближе познакомиться, – повторил он несколько заторможено и добавил, – да, конечно, посидим рядочком узким кружочком – глядишь, и получится за стаканчиком! Лизка права, соображает, плутовка. Валяйте, сеструха и ты, Фукс, без булды... – ловким движением она прикрыла ему рот и подтолкнула в сторону стойки с магнитофоном.

Вновь зазвучала музыка, и танцы продолжились. Однако постепенно интерес к ним спал, по мере того как некоторые пары скрылись в третьей свободной комнате, кто-то застыл в углах коридора, а кто-то нашел себе интерес в спорах и разговорах у Фреда в комнате. В комнате Роба несколько человек вяло беседовали, кто-то просто дремал за столом. Когда Роб увидел, что танцует всего несколько пар, он с досадой выключил магнитофон и по-хозяйски решил изменить такой сценарий вечера на свой:

– Братва! Слушай меня, – громко крикнул, чтобы услышали все, – давай ко мне в комнату! Выпьем еще, закусим и вперед – есть задор развлечься на все сто! Эй, Боб, кончай храпеть: водка стынет!

Однако, кроме храпа над тарелкой, ничего другого от приятеля не последовало. Безнадежно махнув рукой в его сторону, он обратился к остальным подошедшим:

– Вот что, Димыч, бери девчат и все, что есть на столах, – в кухню. Перемыть и обратно на стол. Эй, Эдик, неси все, что у нас осталось из спиртного и тоже на стол сюда. Консервы – тоже. Задание тебе, Иосиф: постарайся разбудить Боба, приведи в чувство, пока я приведу всех.

Иосиф усердно взялся выполнять его просьбу, но мертвецки пьяный Боб «отключился» настолько, что никакие уговоры его не брали: голова вновь падала на стол, едва он выпускал ее из своих рук. Тогда он стал силой удерживать ее в вертикальном положении. Наконец глаза Боба грозно раскрылись и недовольно взглянули на будившего: «Что за фраер, почему не знаю?» – выругался негромко. Затем собрался с духом и вдруг бесшабашно запел: «Куда пойти, к кому податься, с кем еще бы побараться...» – ладонь Иосифа не дала ему закончить блатную частушку: он не терпел сквернословия в присутствии женщин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.